

ПОСЛЕДНИЙ ВИКИНГ

ИСТОРИЧЕСКИЙ СЕРИАЛ

СЕРГЕЙ СТЕПАНОВ

В ЯРОСТЬ НОРМАННОВ

Викинги. Исторический сериал

Сергей Степанов

**Последний викинг.
«Ярость норманнов»**

«Яуза»

2013

Степанов С. А.

Последний викинг. «Ярость норманнов» / С. А. Степанов — «Яуза», 2013 — (Викинги. Исторический сериал)

«Спаси нас, Господи, от ярости норманнов!» – 1000 лет назад об этом молилась вся Европа, за исключением Древней Руси, куда викинги ходили не в набеги, а наниматься на службу к могущественным русским князьям. (Вопреки пресловутой «норманнской теории», скандинавские саги свидетельствуют об отсталости и бедности Северо-Западной Европы по сравнению с богатейшей цивилизованной Русью, поражавшей пришельцев с Запада благоустройством, изобилием и почти поголовной грамотностью городского населения.) Одним из таких варягов-наемников был и герой этого романа Харальд Суровый, которого прозвали Последним Викингом. Имя этого великого конунга, морехода, завоевателя и скальда, известно каждому скандинаву. Его подвиги вошли в легенду. А его стихи, обращенные к русской невесте, переводили К.Н. Батюшков и А.К. Толстой. В юности Харальду довелось участвовать в самом кровопролитном сражении норвежской истории между христианами и язычниками и бежать от мести берсерков на Русь, где он стал соратником Ярослава Мудрого и влюбился в его дочь Елизавету. Но чтобы завоевать руку и сердце русской княжны, молодому варягу придется совершить невозможное – отправиться в далекий Царьград и добыть секрет всежигающего «греческого огня», который византийцы хранят под страхом смерти... Читайте первый роман о величайшем из викингов, основанный на реальных событиях, по сравнению с которыми меркнут голливудские блокбастеры и лучшие исторические сериалы!

© Степанов С. А., 2013

© Яуза, 2013

Содержание

Пролог	7
Глава 1	15
Глава 2	20
Глава 3	24
Глава 4	29
Глава 5	35
Глава 6	41
Глава 7	45
Глава 8	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Сергей Степанов
Последний викинг. «Ярость норманнов»

© Степанов С., 2013

© ООО «Издательство «Яуза», 2013

© ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Пролог

Харальд Суровый, сын Сигурда Свиньи, был конунгом Норвегии и Дании, величайшим воином, мореходом и поэтом. Харальда также называют последним викингом, что справедливо, ибо на нем завершилась эпоха норманнских завоеваний. Эта эпоха началась в июньские иды семьсот девяносто третьего года века Господня. «Англосаксонская хроника» сообщает о первом появлении норманнов, сопровождавшемся грозными предзнаменованиями: «В этом году были жуткие знамения в Нортумбрии, которые безмерно напугали всех жителей. Кружили сильные вихри, сверкала молния, а в небе видели летящих драконов, изрыгающих пламя. Вскоре после этих знамений начался сильный голод».

Близ побережья Нортумбрии, на севере Англии, лежит каменистый остров, на котором благочестивые шотландские и исландские монахи основали обитель. Однажды смиренная братия узрела паруса далеко в пустынном море. Паруса двигались с севера, и это было странно и удивительно, ибо никто раньше не видел кораблей, плывущих с северной стороны. Говорили, что холодное море простирается до края света и там низвергается вниз. Монахи заворуженно наблюдали за приближением полосатых парусов. Скоро можно было различить черные корабли, на изогнутых носках которых щерили свои пасти ужасные драконы.

Драконы пристали к берегу, и с них спрыгнули приземистые люди в кольчугах и с топорами в руках. Они набросились на монахов, одних убили, других увезли прочь от родных берегов, монастырь сожгли, драгоценные дароносицы и другие священные сосуды, одеяния священников и все имущество разграбили. Алкуин из Йорка, муж великой учености и основатель придворной школы Карла Великого, направил послание королю Нортумбрии Этельреду: «Подумай о том, что почти 350 лет мы и наши праотцы жили в этой прекрасной стране, и никогда прежде не обрушивались на Британию столь ужасные бедствия, как те, что навлекли на нас язычники. Никто и думать не мог, что такая напасть может прийти из-за моря». Он напомнил прорицание Иеремии-пророка: «От севера откроется бедствие на всех обитателей сей земли».

Сбылось пророчество Священного Писания. От севера открылось величайшее бедствие сначала для Британии, а вскоре и для иных стран. С каждым годом с севера приплывало все больше и больше кораблей с драконами на носу. Нортумбрия, одно из трех английских королевств, была покорена, а потом пришел черед Восточной Англии, чей король Эдмунд пал от руки норманнов и был провозглашен святым мучеником. Норманны вторглись в Уэссекс. Ирландия не осталась в стороне от вождения викингов. Ирландский хронист писал: «Море извергло на Эрин потоки чужеземцев. Не осталось ни одного залива, ни одной пристани, ни единого укрепления, укрытия, бугра, который не был бы наводнен викингами».

Викинги обрушились на империю, разделенную между сыновьями Карла Великого и ослабленную внутренними раздорами. Был сожжен Гамбург. Архиепископ Ансгар бежал вместе с монахами, священные книги погибли в огне. Викинг Рагнар Кожаные Штаны, поднявшись по Сене, захватил Париж. Ни один город, ни один монастырь не остался неприкосновенным. Все обращалось в бегство, и редко кто-нибудь говорил: «Остановись, окажи сопротивление, защищай свою родину, собственных детей и народ!» Хронисты писали: «Отчаяние охватило франков: казалось, что христианскому народу пришел конец». Во всех церквях возносили молитву: «A furore normannorum libera nos, o Domine!» – «Спаси нас, Господи, от ярости норманнов!»

От ярости норманнов пытались откупиться, даровав им богатые земли. Датский хёвдинг по имени Ролло и его викинги получили во владение город Руду, называемый франками Руан, и область до самого моря. Эти владения положили начало Нормандии. Чаще всего короли и герцоги удовлетворяли ярость викингов золотом и серебром. Данегельд – «датские деньги» – называлась плата за то, чтобы викинги, среди которых было много данов, не разоряли при-

брежные города и селения. Однако через несколько лет они возвращались вновь и требовали новой дани.

Викинги направляли свои корабли все дальше и дальше. Они шли Аустрвегом – Восточным путем, который привел их в Гардаруку и дальше – в Землю Греков. Они появились в Испании, которой владели мавры. Их корабли заполнили море, как темные птицы, сердца мавров же наполнились страхом и мукой. Аравитяне говорили о нападении на Севилью: «Аль-маджус, которые зовутся ар-рус, ворвались туда, захватывали пленных, грабили, жгли и убивали».

Викинги приплыли из Северных Стран, включавших Данию, Норвегию, Швецию, Исландию, Гренландию, Фарерские и Оркнейские острова. Там обитали разные племена: даны, свеи, норвежцы, но для всего мира они были прежде всего норманнами, то есть «людьми с севера». Имелись у них и иные имена. В Гардарике их называли варягами, в Земле Греков – варангами и русами, в Испании – ар-рус. Слово «викинги», как думают, означает «люди из заливов». Викинги – это не племя, а род занятий, заключающийся в морских походах и грабеже. В Северных Странах говорили: «он пошел в викинг», «он погиб в викинге». Выгодным ремеслом викинга занимались люди разных племен и народов. Порой они превосходили свирепостью даже самих норманнов. Так, от грабительских набегов вендов весьма сильно претерпели жители прибрежных селений Швеции. Самый безжалостный викинг, которого мне довелось знать, был родом из племени эстов.

Норманны викингской эпохи являлись язычниками. Они убивали служителей Господа и разрушали Божьи храмы. Истинная вера медленно приживалась в холодных Северных Странах. Достаточно сказать, что и доныне Великая Холодная Швеция еще прозябает в мраке язычества. И все же чем дальше норманны соприкасались с христианскими народами, тем чаще они, отринув языческую скверну, вступали в спасительное лоно Церкви. Увы, многие из них крестились неискренне. Некий праведный муж из сент-галленских монахов со слезами на глазах рассказывал о недостойном поведении норманнов, которым Людовик Благочестивый предложил принять таинство крещения. Новообращенным подарили платье, но крещальных одежд на всех не хватило, и тогда они стали рвать ткани на куски и делить их между собой. Один из старейших среди них взроптал: «Я принимал крещение двадцать раз и всегда получал хорошее платье, но ныне мне дали мешок, подходящий пастуху, но не воину».

Однако недаром говорят, что дерево не от первого удара падает. Благодаря подвижническому подвигу святых мучеников слово Божье постепенно проникло в свирепые сердца викингов. Кое-кто из них бросил ремесло разбойника и занялся мирным трудом. И это хорошо! С другой стороны, остается сожалеть, что одновременно со смягчением нравов угасает тот неистовый дух, который гнал викингов за море. Так сказал Эгиль, сын Грима Лысого:

Меньше стало ныне,
Тех, что блеском моря
Воинов дарили.

Мы в Исландии бережно храним имена викингов, ушедших за море в поисках славы и добычи. Страна Льдов – так переводится с северного языка название нашей страны. Северный язык един для всех норманнов, и только те, кто поселился далеко от Северных Стран, постепенно перенимают чужое наречие. Исландия – небогатая страна. Однако нашу бедность мы превратили во благо. Никто не может сравниться с исландцами ни в искусстве стихосложения, ни в умении рассказывать саги. Я еще застал то время, когда в Исландии росли деревья. Потом их вырубали на постройки. Но если наша страна лишена леса, то она столь же богата сказителями. Длинными зимними вечерами исландцы собираются у очагов и слушают саги и песни скальдов. Исландские скальды сочиняют висы – короткие стихи из восьми строк, а также длинные торжественные флокки и драпы. Их слава гремит по всем Северным Странах.

Чаще всего исландцы рассказывают родовые саги о своих предках, приплывших на остров в век заселения страны. Столь же охотно слушают саги о норвежцах, ибо многие исландцы имеют норвежские корни. Первый поселенец, Ингольф, сын Арнара, обосновавшийся близ горячих ключей в Рекьявике, был родом из Норвегии. Мы часто плаваем в Норвегию за строевым лесом и по торговым делам, ибо эта страна самая ближняя к нам. Считается, что вокруг Исландии семь дней плавания при сильном попутном ветре, притом что он меняется как необходимо, ибо пользоваться только одним ветром невозможно. И считается, что между Исландией и Норвегией тоже семь дней плавания.

Каждый исландец знаком с сагами о подвигах норвежских конунгов, что может показаться необычным, ибо в Исландии нет и никогда не было конунгов. Издавна все дела решаются на тингах, или народных собраниях. Свободнорожденные люди участвуют в областных тингах, а раз в год в окрестностях озера Эльфусвахтн созывается всеобщий тинг, называемый альтинг. За порядком на альтинге следит законоговоритель, который избирается народом и не имеет наследственной власти конунга. В обязанности законоговорителя входит провозглашение принятых альтингом решений со Скалы Законов. И все же исландцы знают о норвежских конунгах больше, чем сами норвежцы, среди коих множество доблестных воинов, но очень немного скальдов. Причина в том, что много исландцев служит в дружинах конунгов, а наши скальды – желанные гости при их дворах, где воспевают подвиги повелителей.

С детства мой слух улаждали саги о морских конунгах, ярлах и прославленных воинах. Быстро запоминая длинные саги, я сам научился рассказывать их. И хотя мне не пристало упоминать о себе, памятуя, что имена куда более знаменитых сказителей канули в Лету, все же скажу, что наш род не последний в Исландии. Мой дед, Торстейн с Побережья, служил в дружине ярла Эйрика, сына Хакона. Вернувшись на родину, он обзавелся добрым хутором во Фьорде Городище. Дед пал жертвой кровной вражды между жителями северного и южного побережий. Вражду затеял Стюр Убийца из Лавовой Пустоши. Он убил нашего родича без достаточных на то оснований и осиротил его детей. Гестом звали его сына. Мальчик был невысокого росточка и невзрачного вида. Однако он оказался достаточно ловким, чтобы подкрасться к могучему Стюру и всадить ему секиру в голову у правого уха. Мой дед спрятал юного мстителя и помог ему уехать из страны. По этой причине зять убитого решил отомстить деду. Снорри Годи звали этого могущественного и богатого человека. Ночью он подъехал к хутору деда и велел одному из своих многочисленных сыновей рвать солому с крыши, как делают голодные лошади. Дед подумал, что лошадь грызет крышу, и вышел отогнать ее. Когда он открыл дверь и появился на пороге в одних холщовых штанах, на него набросились сразу четверо, так что он не успел и рта раскрыть. Один из ударов копья пришелся в живот, и от этого дед сразу же умер. Его старший сын выбежал узнать, что за шум, и пал мертвым на пороге. Потом вышел мой отец, Свейн. Ему было всего десять зим, сон стоял в его глазах.

Снорри Годи сказал своему воспитаннику Торду Кисе: «Видит ли кошка мышь? Пусть молодой разит молодого!» Снорри Годи имел странное пристрастие к кошкам, подобающее скорее женщине, нежели знаменитому мужу. Из одиннадцати его сыновей и воспитанников трое имели прозвище Киса, а Торд был самым младшим, ему исполнилось всего десять зим, как и моему отцу. Маленький мышонок стоял перед ними и ждал своей участи. Торд сказал: «Не хватает еще, чтобы погиб столь юный ребенок!» Другой сын – Халльдор – бросил коротко: «Пусть живет!» Снорри Годи был весьма удивлен. Он родился в языческие времена, когда господствовали суровые нравы. Был в Исландии один викинг. Альвиром звали его, а прозвище ему дали Детолюб, за то, что он запретил своим людям подбрасывать детей в воздух и ловить их на копья, как было принято у викингов. Для язычников подобное милосердие казалось странным, что и объясняет замешательство Снорри. Он проворчал: «Будь по-вашему. Но боюсь, когда мальчишка вырастет, он еще прорубит брешь в нашем роду!»

Случилось иначе благодаря Торду и Халльдору и их третьему брату, которого даже не было вместе с ними в ту ночь. Гудлаугом звали его. Он был набожен, благочестив и крепок в вере. Гудлауг отказался ехать к хутору моего деда, сказав, что никогда не чувствовал склонности к убийствам. Его братья спасли брэнное тело моего отца, он же спас его бессмертную душу. Когда отец осиротел, Гудлауг призвал его к смирению, поведав ему о страданиях Господа нашего Иисуса Христа. От него мой отец воспринял неукротимую ненависть к языческой мерзости, а потом передал эту ненависть мне. Через несколько лет Гудлауг уехал в Англию, вступил в монастырь и до самой смерти слыл примерным монахом.

Я никогда не видел сего святого мужа, зато был знаком с Халльдором, поддержавшим Торда Кису в его воистину христианском милосердии. Халльдор был незаконнорожденным сыном Снорри, прижитым от наложницы, но в те времена на это не обращали большого внимания. Как-то он уехал в Норвегию за лесом, должен был вернуться через месяц, а возвратился через двадцать пять лет. Все это время он провел в странствиях рядом с Харальдом Суровым, который в ту пору еще не был конунгом. Он стал дружинником Харальда, его верным оруженосцем и другом. Потом между ними случилась размолвка, тем более удивительная, что они столько лет провели рядом, по-братски деля пищу и закрываясь от ночного холода одним плащом. Бывший дружинник вернулся на родину и поселился на хуторе на Стадном Холме.

Я впервые увидел его на Полях Тингов, куда он приехал вместе со своими родичами, вырыл для себя землянку и покрыл ее крышей. Две или три недели люди на альтинге обсуждают дела и выносят решения по тяжбам, а по вечерам устраивают состязания и слушают саги. Как сейчас помню, мы развлекались игрой со шкурой. Четверо моих друзей – Эйвинд Разорванная Щека, Бруси Рубаха до Пят, Вермунд Карман на Спине и Олав Полутроль – встали в круг и бросали друг другу сырую шкуру, а я пытался ее поймать. Вдруг пронесся слух, что у землянки Халльдора, сына Снорри, собрался народ и слушает сагу о подвигах Харальда конунга. Мы тотчас же бросили игру и присоединились к многочисленным слушателям. Старый дружинник сидел перед входом в землянку и вел свой рассказ с совершенно бесстрастным лицом, на котором красовался старый рубец от раны, полученной им в военных походах. Он был самым невозмутимым человеком на свете. Узнавал ли он о смертельной опасности или радостной новости, он не становился печальнее или радостнее. Выпадало ли ему счастье или несчастье, он вел себя как обычно. Я не встречал человека молчаливее его, кроме разве одного немого, жившего у переправы через Белую реку. Но повествование его было столь увлекательным, что не нуждалось в ярких оборотах и красивых словах.

Все слушали его, затаив дыхание, но среди собравшихся не было более внимательного слушателя, чем я. Он закончил свое повествование, зевнул и пошел спать. Все разошлись, а я продолжал сидеть перед его землянкой, открыв рот. С того дня я считал часы до вечера, когда собирался народ и просил его рассказать о Харальде Суровом. Я слушал, стараясь не упустить ни слова. Когда через две недели все дела обсудили и люди разъехались по своим домам, я отсчитал месяцы и дни до следующего альтинга, вновь и вновь повторяя все, что успел запомнить. Бесчисленное количество раз я повторял услышанное, отправляясь на поиски отбившихся отцовских овец, кося сено и раскладывая его для просушки, разделявая вместе с соседями тушу кита, выброшенного на берег, стоя на носу лодки и бросая отравленный гарпун в акулу, заплывшую в наш фьорд. Признаюсь, что даже в церкви я порой греховно отвлекался от молитвы и мои губы невольно шептали имя Харальда Сурового.

Три года я ездил на альтинг и слушал рассказы о Гардарике, Стране Бьярмов, о варяжской дружине в Миклагарде, самом большом и богатом городе на свете. Мы узнали о том, как Харальд свергал греческих конунгов – повелителей мира, и отверг любовь императрицы Зои Могучей. Нас увлекали воспоминания о морских сражениях у берегов Сицилии и Африки, о паломничестве в Святую землю. И, конечно, нас охватывала алчность при описании несметных сокровищ, вывезенных из Восточных Стран. Мы слышали, что Харальд Суровый без-

мерно богат, что ни один человек в Северных Странах не имел столько золота, сколько он привез в крепких сундуках. Мы узнали происхождение этого несметного богатства. Харальд начальствовал над отрядом норманнов, охранявших покои греческого царя. Три раза менялись на троне владыки империи, и трижды Харальд и его люди обходили дворец в Миклагарде и брали все, что им приглянулось. Харальд тайно переправлял сокровища в Гардарику к конунгу Ярицлейву Мудрому, с чьей дочерью Эллисив он был обручен. Ярицлейв конунг сохранил все золото до последнего эйрира, и эти богатства помогли Харальду стать конунгом Норвегии.

Из воспоминаний старого дружинника родилась эта сага. На мою долю выпало немного. Постаравшись с великим тщанием передать незамысловатую речь воина, я дерзнул лишь отчасти разнообразить ее подходящими скальдическими стихами и добавить несколько прядей о людях, которым не нашлось места в его повествовании. Я также счел своим священным долгом снабдить повествование надлежащими христианскими нравоучениями, ибо старый дружинник был даже не язычником, а скорее человеком, верующим только в свою тяжелую секиру.

В Исландии высоко почитают Харальда Сурового. Он хорошо относился к исландцам и ценил наших скальдов. Конунг помог нашему островному народу во время жестокого голода и совершил благочестивое деяние, прислав колокол для церкви, построенной по решению алтинга. Неудивительно, что, размышляя о том, как устроить свои дела, я обратил свои мысли к конунгу. Пришла пора обзавестись собственным хозяйством, для чего требовались немалые деньги. В век заселения Исландии каждый приехавший мог занять столько земли, сколько он был в состоянии обойти за один день с горящим факелом в руке, зажигая костры на границах своего владения. Женщине разрешалось присвоить земельное пространство, которое она обошла между восходом и заходом солнца, ведя на поводу корову. Но в наше время в Исландии не осталось свободной земли, пригодной для ведения хозяйства. Поэтому молодым исландцам вроде меня приходится покидать отечество в поисках лучшей доли. Я задумал послужить Харальду конунгу и снискать его расположение.

Перед отъездом я отправился на Стадный Холм, чтобы посоветоваться со старым дружинником. Он принял меня с честью, но предупредил, что не может замолвить за меня словечко, потому что находится в ссоре с конунгом. Я знал об этом, но слышал также, что могущественный повелитель столь милостив, что ищет примирения со своим бывшим дружинником. Говорили, что как-то Харальд Суровый велел передать ему просьбу прислать лисьих шкур, чтобы обтянуть свою постель. Халльдор сказал: «Состарился петух!», но все же выполнил просьбу конунга и послал ему великолепных черных лис, которых раздобыл в Стране Бьярмов.

Я спросил его, в чем состояла причина их размолвки, и дружинник поведал мне все без утайки. И хотя он всегда был бесстрастным, на сей раз его голос дрожал от обиды. Он рассказал, что в одну зиму на восьмой день Рождества людей конунга стали жаловать деньгами. Эти деньги назывались «Харальдовой чеканкой». Большую часть составляла в них медь, а серебра в них было не больше половины. Дружинник положил деньги на подол плаща, увидел, что они не из чистого серебра, и сбросил их в солому со словами: «В моей службе никогда не было такого обмана, как в деньгах, которые конунг пожаловал мне за нее. Видно, наши с конунгом пути разошлись». Вскоре он свернул свой спальный мешок и сел на торговый корабль, плывущий в Исландию.

Хозяин хутора на Стадном Холме сказал, что конунг зовет его к себе и обещает, что ни одного человека в Норвегии он не поставит выше него. Я спросил его, почему он не откликнется на приглашение конунга, и получил ответ: «Никогда больше я не поеду к Харальду конунгу. Мне его нрав известен. Я хорошо знаю, что он сдержал бы обещание: не поставил бы никого в Норвегии выше меня, если бы я к нему приехал. Потому что он велел бы вздернуть меня на самую высокую виселицу».

Признаюсь, что рассказ о деньгах Харальдовой чеканки несколько смутил мою душу, ибо я очень рассчитывал на щедрость конунга. Мне казалось, что, вывезя из Восточных Стран

неслыханные сокровища, конунг мог бы достойно наградить верных ему людей. Тем не менее я не переменял решения и сказал, что хочу попытать счастья при дворе конунга. «Поезжай, – напутствовал меня дружинник. – Только будь осторожен, а то не заметишь, как лишишься головы!»

С этим напутствием я отправился в Норвегию. Было лето, двор конунга пребывал в Каупанге. Там я впервые увидел повелителя, чьи подвиги не давали мне покоя последние три года. Прежде всего меня поразили его величественная внешность и рост. Уверяли, что рост его составлял пять локтей, хотя в это трудно поверить, потому что в исландском локте считается восемнадцать дюймов. Несмотря на чрезвычайно длинные руки и ноги, конунг был хорошо сложен и статен. У него были светлые волосы, светлая борода, длинные усы, и одна его бровь была немного выше другой. Напрасно говорили, что он постарел. Ему не исполнилось и пятидесяти зим, и он пребывал в расцвете телесных сил.

Харальд конунг ласково встретил меня, ибо всегда любил исландцев. Я почтительно попросил его покровительства. Конунг спросил, не сведущ ли я в чем-нибудь, и мне пришлось призадуматься, ибо я больше любил слушать саги и висы, не уделяя внимания воинским забавам. Тогда я сказал, что знаю множество саг. Конунг милостиво изрек, что возьмет меня к своему двору, но я должен всегда рассказывать саги, кто бы ни попросил. Разумеется, я с радостью принял лестное предложение, и конунг подарил мне оружие и хорошее платье, чтобы мне не стыдно было появляться при его дворе.

Все лето, осень и первую половину зимы я рассказывал саги. Я начал с саги об Инглингах, божественных предках Харальда Сурового; продолжил сагой о Харальде Прекрасноволосом, первом объединителе Норвегии; поведал о его наследниках – Хаконе Добром и Харальде Серая Шкура, об Олаве, сыне Трюгве, погибшем на «Длинном Змее». Не умолчал об исландских делах и рассказал сагу о многолетней кровной мести, завершившейся великой Битвой на Пустоши между жителями северного и южного побережий. Познакомил я своих слушателей с деяниями святых отцов, принесших свет истинной веры в Северные Страны, хотя должен с прискорбием заметить, что дружинники куда охотнее слушали о конунгах, чем о святых отцах.

Множество саг было рассказано, но все же к светлому Рождеству почти все мои саги кончились. Я сказал конунгу, что у меня осталась только одна сага, но я не решаюсь поведать ее здесь. «Почему?» – удивился Харальд Суровый. «Последняя сага – о ваших походах за море, и мои опасения вызваны тем, что среди дружинников много свидетелей ваших подвигов и они будут смеяться, если я что-нибудь напутаю». Конунг сказал: «Это как раз та сага, которую мне всего больше хочется послушать. Не рассказывай ее до Рождества, люди сейчас заняты, но в первый день Рождества начни и расскажи немного, а я буду сдерживать тебя, так чтобы хватило на все Рождество. Большие пиры будут на Рождество, и мало будет времени сидеть и слушать».

Все Рождество я рассказывал Харальду конунгу сагу о его жизни. Одним дружинникам нравилось, как я излагаю, другие ругались, что я не имею понятия о подвигах повелителя. И никто не мог понять, нравится ли моя сага конунгу. Он сидел с непроницаемым лицом, внимательно слушал, но не проронил ни слова. На тринадцатый день я кончил сагу о Харальде Суровом. Это было еще днем. Конунг спросил: «Кто научил тебя этой саге?» Я сказал, что каждое лето ездил на альтинг и заучивал часть саги у Халльдора, сына Снорри, пока не запомнил все. «Халльдор, бежавший от нас, научил тебя!» – мрачно изрек конунг и повелел оставить его одного.

Тут все придворные, кто до этого был ласков со мной, сразу отшатнулись от меня, как от прокаженного, и в один голос заговорили, что я сильно разгневал конунга. Мне стало ясно, что старый дружинник, движимый неприязнью к повелителю, преступно исказил его деяния и помыслы, а я по глупости и незнанию повторил эту ложь. Я приготовился к смерти и молил Господа, чтобы моя казнь была не слишком мучительной. Придворные шептались, что мне не

миновать «кровавого орла», когда мечом разрубают спину, выламывают ребра и вытаскивают наружу внутренности, чтобы легкие трепыхались в воздухе, подобно птичьим крыльям.

Вечером в палатах конунга был назначен пир. С тяжелым сердцем я сел за самый дальний конец стола. Вдруг конунг позвал меня к себе и изволил произнести милостивые слова: «Мне очень понравилась твоя сага. Она ничуть не хуже, чем то, о чем в ней рассказывается. Я оценил твое старание поправить те резкие выражения, которые, должно быть, допустил мой старый друг, который сейчас в ссоре со мной. Будет тебе удача. Оставайся у меня навсегда, если хочешь». Конечно, я захотел остаться и несколько лет провел при дворе Харальда Сурового.

Я был на корабле конунга, когда он отправился по Ледовитому морю искать Виноградную страну, которую хотел присоединить к своим обширным владениям. Корабль пересек просторы Северного Океана, и перед глазами людей предстали темные пределы у края мира. Мы повернули назад, чтобы избежать зияющей бездны. Мне довелось быть подле конунга, когда он отправился в свой последний викингский поход в Англию.

Норманны неоднократно были повелителями этой страны. Например, Кнут Могучий, конунг Англии и Дании. Харальд Суровый решил идти по его стопам. Он собрал более двухсот боевых кораблей, не считая мелких и вспомогательных судов. Его корабли были столь же великолепны, как драккары Кнута Могучего, с которыми он покорил Англию. Столь великолепно были украшены эти корабли, что они ослепляли смотрящих, и тем, кто смотрел издали, казалось, что сделаны были они из пламени, а не из дерева. Ибо каждый раз, когда солнце проливалось на них сияние своих лучей, в одном месте блистало оружие, в другом – сверкали подвешенные щиты. На носах кораблей пылало золото и искрилось серебро. Воистину, один вид кораблей устрашал врага еще до того, как воины вступали в сражение. Ибо кто смог бы без ужаса смотреть на драконов, открывших пасти, на длинных змей, блиставших чешуей, на головы быков, чьи острые рога сияли золотом?

Мы высадились в Нортумбрии, поднялись на кораблях по небольшой реке Уз и встретились с войском англо-саксов. Поначалу им удалось потеснить норманнов. Тогда конунг велел трубить в рог и вынести вперед свое знамя Опустошитель Страны. Натиск был сильным, и англо-саксы обратились в бегство. Убитые лежали так плотно, что норманны смогли, как посуху, перейти болото. Затем Харальд конунг стал готовиться к захвату Йорка, но после одержанной им победы англо-саксы пали духом и изъявили покорность. Конунг потребовал в заложники сыновей знатных людей. Вечером после легкой победы мы отправились к кораблям и были в большом веселье. Был назначен тинг в городе на утро понедельника, и тогда Харальд конунг, как повелитель Англии, должен был пожаловать почетные должности и лены.

Однако нельзя умолчать о дурных предзнаменованиях, сопровождавших последний поход конунга. Гюрдом звали человека, находившегося на его корабле. Он увидел сон: стоит огромная великанша, и в одной руке у нее большущий нож, а в другой – корыто, наполненное кровью. Великанша сказала вису:

Вот он, знаменитый,
Заманен на Запад,
Гость, чтоб мертвым в землю
Лечь скорей с друзьями.

Увы, пророческая виса исполнилась в священный месяц по календарю англо-саксов или осенний месяц по нашему исландскому счету, а по христианскому летоисчислению – в двадцать пятый день сентября за пять дней до октябрьских календ тысяча шестьдесят шестого года века Господня. Утро выдалось погожим, и очень пригревало. Мы сняли кольчуги и пошли на берег, взяв только щиты, шлемы, копья и опоясавшись мечами, но у многих были луки со стрелами. Все были очень веселы, потому что шли за заложниками. Мы ушли далеко от кораблей, на

которых осталась треть нашего войска. Когда мы приблизились к Станфордабрюггьюру, который англы называют Стамфорд-Бриджем, то внезапно узрели тучи пыли, а за ними красивые щиты и блестящие латы. Огромное войско короля англов выступило нам навстречу. Мы думали, что они охраняют побережье от вторжения ярла Руды Вильяльма Незаконнорожденного, но они решили сразиться с нами. Англы и саксы выслали рыцарей для переговоров. Мы спросили, что они могут предложить Харальду конунгу за его труды. Рыцари ответили, что они могут предоставить ему в Англии кусок земли в семь стоп длиной или несколько больше, раз он выше других людей.

После этих дерзких слов началась битва. Харальд Суровый стоял под знаменем Опустошитель Страны. Пока норманны прочно держали строй, битва шла вполсилы. Англы быстро нападали и отходили, не сумев ничего достигнуть. Норманны сами стали наступать, думая обратить противника в бегство, но, когда стена из щитов распалась, англы осыпали их копьями и стрелами. Когда конунг Харальд, сын Сигурда, увидел это, он вступил в бой там, где схватка была всего ожесточеннее. С обеих сторон пало много народа. Тут конунг Харальд, сын Сигурда, пришел в такое неистовство, что вышел из рядов вперед и рубил мечом, держа его обеими руками. Ни шлемы, ни кольчуги не были от него защитой.

Конунг был одет в кольчугу, которую звали Эмма. Она была такой длинной, что закрывала его ноги ниже колен, и такой прочной, что ее не брало никакое оружие. И вдруг, когда чаша весов в битве окончательно склонилась на сторону норманнов, прилетела стрела с ржавым наконечником. Стрела попала конунгу Харальду, сыну Сигурда, в горло – единственно незащищенное кольчугой место. Конунг как будто знал, откуда прилетела стрела со старинным заржавленным наконечником. По движению его губ я угадал слова: «Встрял зубец железный...» Я узнал строку из висы Тормода Скальда Черных Бровей, законченную конунгом, ибо он сам был поэтом. Харальд Суровый пал мертвым, и с ним все, кто шел впереди вместе с ним. Мы потерпели жестокое поражение. Англы ликовали, но, как говорится в пословице, «Недолго рука радуется удару». Не прошло и месяца, как Вильяльм Незаконнорожденный, ярл Руды, привел свои корабли из Нормандии, разбил войско англов, ослабленное большими потерями, и стал владыкой Англии. Он правит этой страной до сих пор, вот уже двадцать лет.

Я был среди тех немногих, кому удалось добраться до кораблей. Все мы горевали по убитому конунгу. Дружинники, ходившие с ним в походы, говорили, что, когда ему угрожала великая опасность и все зависело от того, какое решение он немедля примет, он находил выход, который оказывался наилучшим. Он часто прибегал к хитростям, сражаясь с превосходящим противником. С его гибелью пришел конец великой эпохи викингов. Сейчас норманнам остается только бережно хранить саги об удачных походах отцов и дедов.

Это сага о последнем викинге Харальде Суровом.

Глава 1

Олав Толстый

В среду, в четвертый день до августовских календ тысяча тридцатого года века Господня, конунг Олав Толстый не мог уснуть. Наступила полночь, но было светло, ибо летом в Трондхейме, в самом центре Норвегии, стоят дни без ночей. Летнее солнце уходит за край земли лишь на короткое время, а потом снова показывается на небосводе. Глядя на полуночное солнце, Олав Толстый размышлял о предстоящей битве. Он одержал победу в двадцати сражениях, но еще никогда ему не доводилось биться с врагом, имевшим столь огромный численный перевес. Он гнал от себя мрачные мысли, но снова и снова спрашивал себя, какая судьба ждет его войско, расположившееся на ночлег перед долиной Вердала.

Олав Толстый принадлежал к роду Инглингов, самому знатному в Северных Странах. Из рода Инглингов был конунг Харальд Косматый, давший обет не прикасаться гребнем к своим волосам, пока не объединит под своей властью все норвежские земли. Добившись своей цели, Харальд расчесал кудри и получил прозвище Прекрасноволосого. После Харальда Прекрасноволосого норвежский престол занимали Эйрик Кровавая Секира, Хакон Добрый, Харальд Серая Шкура и Олав Воронья Кость. Седьмым по счету конунгом был Олав Толстый.

Отцом Олава Толстого был Харальд из Грёндланда, мелкий конунг, правивший в Вест-фольде на юге Норвегии, а матерью – Аста, дочь Гундбранда Шишки. Одним летом, когда Харальд Гренландец отправился в Восточные Страны в викингский поход, чтобы добыть себе добра, он ехал через Швецию. В то время там правил конунг Олав Шведский, чья мать Сигрид была вдовой и имела большие поместья. Когда она услышала, что в страну приехал Харальд Гренландец, с которым она вместе воспитывалась, она послала к нему людей и пригласила его на пир. Прием был очень дружеским. Гренландец и Сигрид сидели на престоле и пили вместе в продолжение вечера и всех людей конунга усердно угощали. Вечером, когда конунг пошел в опочивальню, ему там была приготовлена постель с пологом из драгоценной ткани и роскошными покрывалами. Народу в этом покое было мало. Когда конунг разделся и лег в постель, к нему пришла Сигрид и сама наполнила его кубок и очень склоняла его к тому, чтобы он выпил, и была очень весела. Конунг был очень пьян, и она тоже. На следующий день Харальд Гренландец завел речь о том, не пойдет ли она за него замуж. Сигрид ответила, что он говорит пустое. Он настолько хорошо женат, что должен быть доволен своим браком.

На следующий год Харальд Гренландец опять собрался в викингский поход и по пути навестил Сигрид. Многие из его людей отговаривали его, но он все-таки поехал с большой дружиной и приехал в усадьбу, где Сигрид проживала. В тот же вечер туда приехал другой конунг – Виссавальд. Он был родом из Гардарики – Страны Городов, где его звали князем Всеволодом. Он тоже сватался к Сигрид. Конунгов поместили вместе с их дружинами в доме, хотя и большом, но старом. Вечером не было недостатка в напитке, настолько хмельном, что все были мертвецки пьяны, и стражи как внутри, так и снаружи дома, заснули. И вот Сигрид велела расправиться с ними огнем и мечом. Дом и все, кто в нем был, сгорели, а те, кому удалось из него выбраться, были убиты. Сигрид сказала, что так она хочет отучить мелких конунгов от сватовства к богатой вдове. С тех пор ее стали звать Сигрид Гордая.

Когда до Асты дошла весть о гибели мужа, она была глубоко уязвлена. Муж, чьего ребенка она носила под сердцем, втайне собирался развестись с ней и жениться на другой. Аста забрала свое имущество и уехала к отцу. Там она родила Олава, а позже вышла замуж за Сигурда Свиныю, мелкого конунга, правившего в Хрингарике. Он также принадлежал к роду Инглингов, но по виду и по образу жизни несколько не походил на конунга. Сигурд Свиныя носил синюю куртку, синие чулки и широкополую серую шляпу. Он сам наблюдал за тем, как

его работники жнут хлеб, вяжут его в снопы и складывают в скирды. Разъезжая по полям, Сигурд повязывал лицо платком от летнего зноя и ветра. Он был прижимистым хозяином, который даже гостям велел подавать мясо и пиво только через день, а домочадцев потчевал кислым молоком и вяленой рыбой.

Олаву Толстому казались скучными хлопоты отчима. Однажды отчим, собираясь в поле, велел пасынку оседлать для него коня. Олав отправился в хлев, выбрал самого крупного козла, надел на него седло конунга и подвел отчиму. Сигурд Свинья только огорченно вздохнул, взглянув на оседланного козла: «Видно, ты не хочешь слушаться моих приказаний. Права твоя мать, не следует заставлять тебя делать то, что тебе не по вкусу». С детства Олав отличался независимым нравом. Был он приземист, широк в плечах и крепок телом, за что его прозвали Толстым. Он предводительствовал во всех детских играх и не терпел, если кто-то лучше него стрелял из лука или бился на деревянных мечах.

Однажды он отошел далеко от дома и заснул под раскидистым дубом. В тот день Олаву впервые явился во сне внушающий ужас муж в алом плаще и блистающих латах. Сей муж изрек: «Покинь мирный кров, ибо ты рожден для ратных подвигов. Плыви за море и добудь великую славу!» Олав поведал о своем сновидении матери. Аста призвала опытного викинга Храни Путешественника. Непросто было заслужить подобное прозвище. Храни побывал во многих странах, в том числе в Виноградской стране, о которой ходило много легенд. Храни уверенно определил, что муж в алом плаще и латах похож на конунга Олава Воронью Кость, сына Трюгви. В таком одеянии он видел его в последний раз, когда конунг прыгнул в море с борта боевого корабля «Длинный Змей», не желая попасть в руки врагов. Храни сказал, что сын Трюгви неспроста явился мальчику во сне. Его ждет великая слава.

Аста на свои средства снарядила для сына боевой корабль со скамьями на тридцать гребцов. Олав Толстый был провозглашен морским конунгом. Викинги часто делали своим предводителем юношей знатного рода. Разумеется, при молодом конунге всегда был опытный наставник, умевший прокладывать путь по звездам и править кораблем в бурю. Наставником Олава стал Храни Путешественник. Он правил кораблем, а юный конунг сидел на веслах вместе с простыми гребцами.

Юный морской конунг возмужал в викингских походах. Через несколько лет он стал опытным воином, совершившим множество подвигов в далеких странах. Олав примкнул к предводителю йомсвикингов Торкелю Высокому, который вторгся на Британские острова. Олав участвовал во взятии Лундуна, самого большого города страны, стоявшего на реке Темзе. Торкель Высокий получил с короля англов Этельреда Неразумного данегельд в сорок восемь тысяч фунтов серебром. Пока собирали данегельд со всего королевства, Торкель Высокий напал на Кантарабург. Викинги ворвались в собор во время литургии, перебили клириков и взяли в плен архиепископа Кентерберийского Альфеге, чтобы получить за него богатый выкуп. Однако архиепископ отказался заплатить за свою жизнь. Семь месяцев, находясь в темнице в Гринвиче, он испытывал терпение язычников. Однажды из южных земель привезли бочки молодого вина. По этому случаю викинги устроили пир. Они резали лошадей и быков, обдирали их туши, разрубали на части и жарили на кострах огромные куски мяса. Олав Толстый сидел на почетном месте рядом с Торкелем Высоким и осушал рог за рогом.

Кто-то из приглашенных на пир вспомнил про строптивного архиепископа. При упоминании его имени викинги яростно взревели и потребовали немедленно привести упрямца. Альфеге втащили в трапезную, поставили на колени и приступили к нему с вопросом: скоро ли за него заплатят выкуп? Архиепископ спокойно отвечал: «Вам придется ждать до Страшного Суда, ибо я запретил добрым христианам собирать деньги для этой цели. Золото и серебро только разжигает вашу алчность и привлекает в Британию все больше и больше язычников». Викинги вскочили, не помня себя от гнева. На голову архиепископа посыпались обглоданные кости. Конская голова опрокинула его на спину, он попытался подняться, но тотчас снова рух-

нул, придавленный головой барана с тяжелыми рогами. Торкель Высокий поднялся во весь громадный рост и обратился к своим воинам с речью: «Отдайте мне этого христианина в обмен на мою долю данегельда». – «Смерть ему!» – орали язычники в сотню глоток. Торкель не сдавался: «Сверх того я дам вам все сокровища, которые я добыл в чужих странах. Забирайте все, кроме корабля, на котором я вернусь домой». Однако предводитель йомсвикингов не мог совладать с пьяной толпой. Один из викингов подбежал к лежавшему без сознания архиепископу и обухом топора размозил ему голову.

Олав Толстый не вмешивался в происходящее. Он только удивился, что Торкель Высокий был готов отдать свои сокровища за христианина. Равнодушно отвернувшись от убитого архиепископа, Олав продолжал пировать, пока вино не одолело его. Во сне ему опять явился конунг Олав, сын Трюггви. Лик конунга был суров, очи метали молнии. Указывая перстом на замученного архиепископа, он гневно вопрошал: «Как ты допустил гибель святого мужа? Знаешь ли ты, что Альфеге крестил меня в Англии? Великий грех сотворили викинги! Искупив свою вину, приняв святое крещение!» Олав Первый, сын Трюггви, по прозвищу Воронья Кость, говорил так, потому что был не только великим воином, но и ревностным христианином. Он распространял Христово учение в Норвегии, и в его правление свет истины воссиял в нашей прекрасной Исландии. Всемогуший Бог окинул милостивым взором людей, заселивших наш остров, и через своих посланников избавил наш народ от долгого рабства у Врага рода человеческого и затем привел своих возлюбленных сынов к совместному обладанию вечным наследством, как он обещал всем тем, кто хочет служить Ему при помощи добрых дел.

Узрев во сне добродетельного сияющего мужа, Олав Толстый пробудился другим человеком. Печать раздумья легла на его чело. С той поры он почти перестал улыбаться, избегал веселых пиров и часто уединялся. Он запрещал своим викингам грабить соборы и разорять аббатства. Поступив на службу к нормандскому герцогу Роберту Дьяволу, он подолгу беседовал с христианами и наконец решил принять истинную веру. В руанском соборе Олав Толстый принял святое крещение, и на следующую ночь ему снова явился сын Трюггви. На сей раз лик конунга был светел. «Ты выбрал благой путь, – изрек он. – Тебе уготовано великое служение. Возвращайся в Норвегию, верни земли, которые принадлежали мне и были захвачены иноземцами».

Сын Трюггви говорил так, потому что после его гибели Норвегия распалась на несколько частей. Одни фюльки достались свеям, другие – данам, чьим пособником являлся ярл Хакон. В основном же власть принадлежала мелким конунгам, которые правили в своих областях. Олав Толстый решил воссоединить страну и стать конунгом всей Норвегии по примеру сына Трюггви, являвшегося ему в сновидениях в облике мужа в алом плаще и сияющих латах.

После долгих странствий Олав Толстый вернулся на родину. Спрыгнув со своего корабля, он поскользнулся на глинистом берегу и встал на четвереньки. Олав с досадой сказал: «Я упал! Плохое предзнаменование!» Храни Путешественник ответил своему воспитаннику: «Ты не упал, конунг! Ты крепко встал на землю своих предков». Когда Олав приехал в усадьбу отчима и поведал о своих замыслах, Сигурд Свинья перепугался: «Немалое дело ты задумал, Олав, и мне кажется, что в твоём намерении больше смелости, чем предусмотрительности». Однако Аста полностью поддержала сына. Она велела мужу замолчать, сказав, что предпочтет увидеть своего сына во славе, пусть даже на самое короткое время, чем знать, что он доживет до глубокой старости мелким конунгом, подобным Сигурду Свинье. Отчиму пришлось подчиниться. Он всегда повиновался жене.

Олав Толстый отнял власть у ярла Хакона, ставленника датчан, и заставил мелких конунгов склониться перед его волей. Он отвоевал почти все земли, захваченные данами и свеями. Объединив страну, он созвал тинг – народное собрание, решавшее все важные дела, и был провозглашен конунгом всей Норвегии. Олав Второй продолжил благое дело, которому посвятил себя Олав Первый. Конунг позаботился о душах своих заблудших подданных. Однако легче

было объединить Норвегию, чем обратиться в истинную веру ее народ, ибо Враг рода человеческого прочно держал в путах невежественных язычников. Олав конунг подробно расспрашивал о том, как соблюдается христианство в стране. Он узнал, что в Наумудале и во Внутреннем Трондхейме далеко не все обстоит благополучно, а чем дальше на север в Халогаланде, тем меньше там знакомы с христианством. Что касается недоступных горных долин, то там никто не слышал о Господе нашем Иисусе Христе.

Олав Толстый разъезжал по всей стране: от прибрежных городов до дальних хуторов. Повсюду он убеждал бондов – свободных землевладельцев – в истинности христианской веры. Упрямые бонды плохо поддавались на уговоры и не желали отказываться от идолов. Люди конунга разрушали языческие капища и предавали смерти закоренелых язычников. Но чем ревностнее конунг распространял истинную веру, тем яростнее его ненавидели. Иногда Олав задумывался над причинами этой ненависти. Он задавал себе вопрос: нужно ли огнем и мечом сеять любовь и милосердие среди язычников? Не иначе конунга смущал дьявол, как смущал он даже Господа нашего Иисуса Христа в Йорсалире в ночь пред принесением искупительной жертвы за грехи рода человеческого. К чести Олава будет сказано, что он не поддавался дьявольскому искушению и не оставил истребление язычников.

Конунг опирался на людей незнатных и преданных лично ему. Он оказал великие милости простому бонду Брюньольву Верблюду, подарив ему меч, отделанный золотом, и поместье Ветгаланд, а это очень большое поместье. Брюньольв сочинил благодарственную песню об этих подарках. В ней сказано так:

Дал мне владыка
Клинок и Ветгаланд.

Однако знатные люди роптали на властные замашки Олава Толстого. Их взоры обратились к Кнуту Могучему, который был конунгом Дании и Англии. Раньше Кнут Могучий также правил Норвегией, назначив ярлом своего племянника Хакона. Как было сказано, Олав Толстый отнял власть у Хакона. Поначалу Кнуту Могучему было не до Норвегии. Ему пришлось долго сражаться в Англии и затратить много усилий, прежде чем англы покорились ему. Когда он посчитал, что его власть в Англии достаточно укрепилась, он вспомнил о том, что имеет права на Норвегию. Он радушно принимал мужей и сыновей могущественных бондов, которые приезжали к нему под разными предлогами. Каждый гость из Норвегии получал от Кнута богатые подарки. Кроме того, при дворе Кнута был виден гораздо больший размах, чем в Норвегии: и в том, сколько там ежедневно бывало людей, и в убранстве покоев, особенно тех, в которых жил сам конунг. Кнут Могучий собирал налоги и подати с самых богатых земель в Северных Странах. И поскольку он получал больше, чем другие конунги, он и раздавал больше.

Пришло время, когда Кнут Могучий решил заявить притязания на Норвегию. Он отправил из Англии роскошно снаряженное посольство. Посланцы везли с собой письмо с печатью Кнута, конунга англов. Они приплыли в Тунсберг и объявили, что вся Норвегия по праву принадлежит Кнуту Могучему, а если Олав Толстый хочет остаться в стране, то ему следует покорно явиться к Кнуту, принести клятву верности и получить свои земли в лен. Олав Толстый в гневе ответил: «Кнут Могучий правит Данией и Англией и, кроме того, захватил еще и большую часть Шотландии. Ему следовало бы, наконец, умерить свою жадность. Может быть, он хочет один править всеми Северными Странами? Может быть, он думает один съесть всю капусту в Англии? Что ж, это ему скорее удастся, чем заставить меня склонить перед ним голову и подчиниться».

Олав Толстый взял малолетнего сына Магнуса и с немногими приближенными отправился по Восточному Пути в Гардарику, или Страну Городов, где нашел покровительство конунга Ярицлейва Мудрого. Три года он провел в Гардарике. Олав Толстый предавался глу-

боким раздумьям о том, как ему быть дальше. Ярицлейв Мудрый и его жена Ингигерд предлагали Олаву остаться у них и стать правителем края, называемого Булгарией. Она составляет часть Гардарики, и народ в ней некрещеный. Олав стал обдумывать это предложение. У него была также мысль сложить с себя звание конунга и поехать в святой город Йорсалир в центре земли и принять там обет послушания. Но чаще всего он думал о том, нельзя ли как-нибудь вернуть свои владения в Норвегии. Раздумывая об этом, он вспоминал, что в первые десять лет его правления все у него шло легко и удачно, а потом, что бы он ни делал, все давалось с трудом и все его благие начинания кончались неудачно. И он сомневался, стоит ли испытывать судьбу и отправляться с таким небольшим войском навстречу своим врагам, когда весь народ примкнул к ним и выступает против него. Все эти мысли не давали ему покоя, и он не знал, что ему делать, ибо видел, что ему не миновать беды, как бы он ни поступил.

И вот однажды Олав Толстый заснул, и во сне ему явился внушающий трепет муж в алом плаще и блистающих доспехах. Он изрек: «Ты мучаешься и не знаешь, как поступить? Меня удивляет, что ты собираешься сложить с себя звание конунга, которое дано тебе от Бога, и хочешь поступить на службу к Ярицлейву Мудрому. Возвращайся в родные края. Слава конунга в том, чтобы побеждать своих недругов, и почетная для него смерть – пасть вместе со своими людьми в битве. Бог дает тебе знамение, что ты станешь вечным правителем Норвегии – *Perpetuus rex Norvegi*».

Ярицлейв Мудрый отговаривал Олава, указывая на опасность, которая грозит ему при возвращении на родину. Однако конунг был непреклонен. Единственное, на что он согласился, так это оставить своего сына Магнуса у княжеской четы. Ярицлейв Мудрый снабдил дружину Олава оружием и дал им коней. Конунг покинул гостеприимную Гардарику.

Отчина встретила его неласково. Ему удалось набрать мало воинов, да и те в основном были свеями, жаждавшими пограбить и погулять на норвежской земле. С этим отрядом он перешел через горы и вторгся в Трондхейм. Здесь центр Норвегии, здесь сосредоточена вся сила страны. В двух переходах отсюда лежала его столица Нидарос, но путь к ней преградила армия бондов. Трэнды, населявшие Трондхейм, поднялись против своего повелителя с оружием в руках, а к ним присоединились бонды со всех концов страны. Завтра ему предстоит биться с людьми, неопытными в военном деле, но готовыми погибнуть за веру предков.

Олаву Толстому оставалось лишь повторять пророчество, данное ему во сне: «*Perpetuus rex Norvegi* – Вечный король Норвегии».

Глава 2

«Край прикрыть сумею...»

Ночь сменило утро. Солнце вновь поползло вверх. Поняв, что ему не удастся уснуть, Олав Толстый встал со своего каменного ложа и сделал несколько шагов, стараясь не потревожить сон своих воинов. Они храпели, укрывшись круглыми щитами, на которых были начертаны белые кресты. Так приказал конунг, хотя многие воины, присоединившиеся к его войску, совсем недавно поклонялись языческим идолам, а некоторые не верили ни в Иисуса Христа, ни в одноглазого Одина, ни в Тора.

Когда войско Олава Толстого двигалось через лесные чащи, к ним вышли два брата – Торир Кукушка и Фасти Пахтанье – и выразили желание сражаться на стороне конунга. За братьями тянулась слава отъявленных разбойников. На их совести было множество кровавых дел, но им было любопытно поучаствовать в настоящем сражении, когда войска выстраиваются в боевые порядки. В распоряжении Олава было так мало людей, что не приходилось брезговать и разбойниками, однако он спросил, крещены ли они. Торир Кукушка ответил: «Мы не христиане и не язычники. Мы верим в самих себя, в свою силу и удачу. Нам этого хватает». Конунг потребовал, чтобы они приняли истинную веру или возвращались назад, к своим разбойным делам. Фасти заявил, что не хочет креститься, но Торир Кукушка возразил брату: «Позор, если конунг прогонит нас из своего войска. Еще никогда не бывало, чтобы кто-нибудь отказался взять меня в товарищи. Я согласен креститься». Истинно сказано в Евангелии: один разбойник уверовал и спас свою душу, другой – отверг спасение. Каждый выбирает свою дорогу. Одного она ведет в райские кущи, другого – в геенну огненную.

Олав Толстый узнавал каждого из своих воинов, даже если его лицо было закрыто щитом. Вот храпит Финн, сын Арни, который из простых дружинников достиг титула ярла. Рядом с ним посапывает старый Бьёрн окольный. Самый ближний и верный из слуг, но и он поддался на посулы Кнута Могучего. В его усадьбу приехал гонец Кнута и уговаривал принести присягу конунгу Дании и Англии. Окольный отказывался, но тут гонец высыпал из большого кошелька английское серебро. Бьёрн был сребролюбив, и, когда увидел серебро, глаза у него разгорелись. Он взял деньги, однако вскоре раскаялся и повинился перед Олавом Толстым. Да, немногие остались верны Олаву, и даже такие старые орлы, как Бьёрн окольный, впадали в искушение.

Бесшумно бродя между спящими, Олав увидел своего младшего брата по матери – Харальда. Брат крепко спал, не чувствуя, что его длинные ноги облепила туча комаров. Конунг присел около Харальда и заботливо прикрыл плащом его босые ступни. Олав Толстый нечасто встречался с единоутробными братьями и сестрами. Но одну из таких редких встреч он хорошо запомнил. Он приехал в усадьбу после смерти отчима. Овдовевшая во второй раз Аста посвятила себя воспитанию детей. Она вывела к конунгу трех сыновей. Олав притворно нахмурился, и два мальчика испуганно опустили глаза, и неудивительно, ибо даже взрослые воины не осмеливались глядеть в лицо Олаву конунгу, когда он гневался. Но третий сын, Харальд, не отвел взгляда, а когда конунг в шутку дернул младшего брата за волосы, он схватил его за усы и тоже дернул изо всех своих слабых силенок.

На следующий день, прогуливаясь с матерью по усадьбе, Олав Толстый увидел братьев, игравших у ручья. Они не ладили между собой. Старшие возились вместе, а младший, Харальд, с разбитым после потасовки носом играл отдельно, бросая в сторону братьев воинственные взгляды. Олав спросил старших, чего они желают больше всего на свете. Гутхорм ответил, что он хочет много полей, засеянных хлебом, а Хальвдан сказал, что он хочет владеть большим стадом коров. «Узнаю отчима Сигурда Свинью», – хмыкнул конунг и подошел к Харальду, который пускал щепки вниз по ручью. «Зачем бросаешь щепки, брат?» – спросил конунг. «Это

не щепки, а боевые корабли», – шмыгнул расквашенным носом Харальд. «А чего ты хочешь больше всего на свете? Коз или свиней?» – «Дружинников», – насупился мальчик. «И сколько ты хочешь дружинников?» – «Столько, чтобы они в один присест съели всех коров Гутхорма и вытоптали все поля Хальвдана». И тогда Олав Толстый воскликнул: «Да, мать! Из младшего ты, верно, вырастишь конунга!»

Припоминая давний разговор с матерью, Олав улыбнулся. В следующее мгновение он перехватил удивленный взгляд Тормода Скальда Черных Бровей, проснувшегося раньше других воинов. Тормод был исландцем. Его предки приплыли в Исландию под конец века заселения страны и поселились на Ледовом фьорде. Его отец, Берси, построил хутор под названием Болото. Хутор сохранился до сей поры, хотя некоторые постройки обветшали.

Тормод был храбрым викингом и великим скальдом, слагавшим стихи в честь ярлов и конунгов. Олав Толстый знал толк в поэзии и высоко ценил исландских скальдов. В его дружине всегда служили скальды, и сейчас в походе вместе с ним шли исландцы Гицур Золотые Ресницы и Торфинн Рот. Они тоже были хорошими скальдами. Однако Тормод намного превосходил их в искусстве поэзии. Кроме того, Тормод был не столько придворным скальдом, сколько другом конунга. Вместе с Олавом Толстым он гостил в Гардарике у Ярицлейва Мудрого и вместе с конунгом вернулся в Норвегию.

Тормод Скальд Черных Бровей знал суровый нрав конунга. Он был удивлен, увидев на его лице мягкую улыбку. Скальд часто пел песни о Рагнарёке – конце мира и гибели богов, когда ужасный волк Фенрир освободится от волшебных пут. Эти путы по имени Глейпнир изготовлены карлами в стране черных альвов. Шесть небывалых сутей соединены в них: шум кошачьих шагов, женская борода, корни гор, медвежьи жилы, рыбе дыхание и птичья слюна. Скальд прибавил бы седьмую небывалую суть – добрую улыбку на лице норвежского конунга. Но вот он узрел то, чего не могло быть: конунг улыбался, как простой человек.

Застигнутый врасплох, Олав Толстый нахмурился и приказал скальду:

– Разбуди войско какой-нибудь песней!

Тормод прокашлялся, очищая горло от ночной сырости, и громко запел Древние Речи Бьярки, который был верным дружинником конунга Хрольва Жердинки:

Вставайте, вставайте,
Друзья первейшие,
Вас зову не на пир,
Не подругу ласкать,
Я вас побуждаю на битву.

Юный Харальд, разбуженный голосом скальда, спросонья схватился за тяжелый меч, лежавший рядом с ним. Но он не смог выхватить его из ножен, потому что Олав наступил на них ногой.

– Крепко спишь, брат! – сказал конунг, глядя на заспанное лицо юноши.

Потом конунг снял со своей шеи золотое ожерелье с головой вепря, надел его на острие своего меча по имени Хейтнир и подал скальду:

– Благодарю тебя, Тормод Скальд Черных Бровей! Ты угодил мне. Нельзя было выбрать песню более подходящую, чем призыв погибнуть на поле брани вместе с конунгом! Прими драгоценное ожерелье – в нем больше марки золота, и будь вместе с другими скальдами подле меня во время боя, чтобы видеть все собственными глазами, а не полагаться на чужие рассказы.

Скальд с поклоном принял подарок. Его окружили исландцы Гицур Золотые Ресницы, приемный отец Ховгарда – Рэва и Торфинн Рот. Тормод сказал Гицуру:

– Не будем стоять вплотную друг к другу, товарищ, оставим место и для Сигвата Скальда, если он приедет сюда.

Услышав эти ядовитые слова, конунг сказал:

– Не надо винить Сигвата за то, что его здесь нет. Он часто бывал со мною в сражениях, а сейчас он, наверно, молится за нас, это нам теперь нужнее всего.

– Возможно, конунг, что молитвы тебе сейчас всего нужнее, но вокруг твоего стяга сильно поредело бы, если бы все твои дружинники отправились молиться в Румаборг.

Тормод говорил язвительно, потому что завидовал великой славе скальда Сигвата, сына Торда, считавшимся первым из сочинителей вис и драп. Сигват не был слишком красноречив, но имел такой дар, что стихи слетали у него с языка, как обыденная речь. С восемнадцати лет он состоял в дружине Олава конунга, сделавшего его окольничим. Но в последние годы Сигват несколько отстранился от конунга. Он ездил по торговым делам в Валланд и, возвращаясь оттуда, был в Англии, посетил Кнута Могучего и сочинил о нем хвалебную песнь. Когда Олав вернулся из Гардарики, Сигват не присоединился к его войску под тем предлогом, что собирается совершить паломничество в Рим. Он взял с собой скальда Берси, сына Торвы, который тоже был дружинником Олава и умер в Риме от великой скорби по Олаву конунгу.

Вокруг конунга собрались воины. Они встали полукругом и слушали напутствие Олава Толстого.

– Сейчас мы отправимся к Стикластадиру. Мы будем ехать по возделанным полям, принадлежащим Торгильсу, сыну Хальмы. Я хочу, чтобы вы шли друг за другом и не топтали посевы, – приказал конунг.

Харальд заметил, что окольничий Бьёрн переглянулся с Финном, сыном Арни. Даже юный Харальд понимал причину их недоумения. Разве забота конунга беречь посевы какого-то землевладельца, копающегося, как жук в навозе? Вдобавок разве не с войском бондов им предстоит сражаться? Бонды поднялись против Олава Толстого, изменили клятве верности своему законному повелителю. Вчера Тормод произнес вису:

Подождем все дома
Здесь окрест! Пусть гложет
Кровли огонь. Готово
К бою войско конунга.
Да пожрут пожары
Хижины трёндов,
В корчах пней да сгинет
Всё! – вот слово скальда.

Харальд был готов расцеловать исландца. Но конунг, выслушав вису, задумчиво произнес: «Бонды помнят, как по моему велению их сжигали в собственных жилищах. Их жгли, когда они отступали от истинной веры и впадали в язычество. Так карали за измену Богу. Измена конунгу не заслуживает столь сурового наказания. Вы же знаете бондов. Они как дети. Я хочу, чтобы мои люди вели себя мирно и не грабили бондов». Никто не посмел возразить, но позже Харальд услышал, как Финн вполголоса сказал Бьёрну окольничему: «Конунга словно подменили после возвращения из Гардарики. Плохи наши дела, если он жалеет бондов».

Между тем дружинники заметили вражеских лазутчиков. Они опрометчиво подобрались так близко, что за камнями на вершине холма можно было разглядеть их лица. Финн, сын Арни, знавший почти всех в Трондхейме, тотчас же доложил конунгу:

– Это Хрут из Вигга и с ним около тридцати человек.

Финн уже был готов услышать, что конунг прикажет не трогать бондов, чтобы они вернулись к своим и донесли, сколь немногочисленно войско Олава Толстого. Но к лазутчикам конунг был неумолим. Он подозвал исландца Гицура Золотые Ресницы и сказал ему:

– Я слышал, что у вас в Исландии бытует обычай давать работникам зарезать себе овцу. Так вот, я разрешаю тебе зарезать барана.

Приближенные громко расхохотались, оценив шутку конунга, ибо имя Хрут означало «баран». Исландца не пришлось долго упрашивать. Он взял на подмогу полдюжины дружинников и отправился резать Хрута с товарищами. Быстро управившись с поручением конунга, Гицур вернулся и насмешливо заметил:

– Ваши бараны, норвежцы, безобиднее наших исландских овечек.

Тормод с улыбкой наблюдал за тем, как его соотечественник вытирал кровь с секиры:

– Бб. баран не первый человек, нашедший вечный ночлег под секирой Гицура.

Олав Толстый обратился к своим воинам со словами:

– Судя по появлению лазутчиков, сегодня нас ждет битва. Но я считаю, что моему брату Харальду не следует сражаться, ведь он еще ребенок.

Харальд покраснел до корней волос, ниспадавших русым потоком на его по-юношески костлявые плечи. Поднятая вверх бровь придавала его лицу обиженный вид. Он выступил вперед и заговорил ломающимся басом:

– Я непременно буду сражаться, и если я еще недостаточно силен, чтобы удержать меч, я знаю, что надо сделать: я привяжу рукоять меча к руке.

Никто из воинов не дерзал возражать конунгу. И только старый окольный Бьёрн осмелился высказать свое мнение:

– Повелитель! Твой брат Харальд действительно молод годами, но ростом он выше любого в твоем войске. Вспомни, сколько зим было тебе самому, когда ты отправился в викингский поход вместе с Храни Путешественником.

Олав Толстый помнил, что ему исполнилось всего двенадцать зим, когда он впервые отплыл от родных берегов на боевом корабле. Однако Храни Путешественник умело оберегал жизнь юного морского конунга. Нападал на слабых, уходил от сильных, начинал с мелких стычек и постепенно приучал его к викингскому искусству. Харальд же рвется участвовать в крупном сражении, где враг имеет перевес. Конечно, сложить голову в первом бою очень почетно, но зрелые мужи должны укрощать неразумные порывы молодости. Конунг отрицательно покачал головой. Харальд задохнулся от отчаяния. Он не находил слов, чтобы уговорить старшего брата. Тогда он произнес стихи:

Край прикрыть сумею
Войска, в строй лишь дайте
Встать. Утешу, страшен
В ратном гневе, мать.

Гул одобрения прокатился по рядам воинов, и даже исландские скальды поощрительно улыбнулись умению юноши сложить боевую песню. Когда восторженный шум улегся, Олав произнес:

– Ты меня убедил, брат! В самом деле, наша мать не простит, если я не позволю тебе погибнуть на поле брани. Вставай в строй вместе со всеми. Вперед, воины Христа! Навстречу ратным подвигам!

Глава 3

Мед поэзии

Харальд сидел на могучем коне, а рядом с ним ехал на низкорослой кобыле Тормод Скальд Черных Бровей. Теперь надобно сказать о внешности исландца, а она была примечательной. Тормоду исполнилось тридцать две зимы – он был ровесником конунга Олава Толстого. Скальд был невысок ростом, имел смуглую кожу и черные как смоль волосы, что делало его приметным среди белокурых норманнов. Однако напрасно думают, будто прозвище Скальд Черных Бровей он получил за черные волосы и брови. Поведаю, как обстояло дело, ибо слышал об этом от людей, хорошо знакомых со скальдом.

Тормод был сластолюбив. В его оправдание следует сказать, что скальдов нельзя мерить общей меркой. Недалеко от хутора, где Тормод жил у своего отца Берси, стоял хутор под названием Теснина. Хутором владела вдова по имени Грима. Ходили слухи, что она знала толк в колдовстве. В ту пору в Исландии христианство было молодым и нескладным, и поэтому многие почитали колдунов и колдуний. У хозяйки хутора была дочь по имени Тордис. Она была белокурой и имела хороший цвет лица. Скальд часто навещал Тордис, особенно зимой, когда Теснинное озеро замерзало и было удобно ходить по льду. Вдова вызвала Тормода на разговор и сказала ему: «Многие намекают, Тормод, будто ты дурачишь мою дочь. К ней уже сватаются, и не исключено, что этим людям померещится тролль за дверьми, если они услышат разные сплетни о вас. Если же ты захочешь посвататься к ней, я выдам девушку за тебя». Но Тормод думал только о веселом времяпровождении. Он ответил вдове: «Складно ложатся твои слова, но моя душа пока не лежит к женьтибе, так что всему свое время».

Как-то летом после тинга Тормод вызвался поехать с отцовскими работниками, чтобы забрать рыбу, которую Берси хранил у истоков фьорда в Сплавном заливе. Они спустили на воду небольшую ладью и доплыли до Долины Эрна. Тут навстречу им поднялся встречный ветер. Их снесло к суше. Они бросили якорь, а сами сошли на берег, поставили палатку и какое-то время провели там, ибо попутного ветра все не было. В Долине Эрна жила вдова по имени Катла. У нее была дочь, которую звали Торбьёрг. Девушка была обходительной, но не слишком красивой. Волосы и брови у нее были черные – за это ее прозвали Черная Бровь. Взгляд у нее был умным, она была худошава и длиннонога, но очень немалого роста, так что Тормод был ей по плечо.

Случилось так, что Тормод вышел из палатки и поднялся к хутору. Женщины приняли его очень хорошо, потому что скучали без мужского общества. Временами Тормод поглядывал на чернобровую хозяйскую дочь. С его уст слетело несколько любовных вис. Женщинам очень понравились висы. Тормод пробыл в Долине Эрна полмесяца и за это время сочинил хвалебную песнь о Торбьёрг Черная Бровь. Он назвал ее «Висами Черных Бровей». И когда песнь была готова, он исполнил ее в присутствии многих людей. Хозяйке хутора польстило, что ее дочь удостоилась такой чести. Она сняла с пальца золотой перстень и сказала так: «Дарю тебе перстень в награду за песню и в придачу к прозвищу, ибо я нарекаю тебе имя, и отныне ты будешь зваться Тормод Скальд Черных Бровей».

Скальд отменно провел время в Долине Эрна, но пришла пора прощаться. Он вернулся на отцовский хутор и вспомнил о белокурой соседке. Он отправился в гости на хутор Теснина, но Тордис приняла его сухо и сказала: «Слышала я, что ты нашел себе новую подругу и сочинил о ней хвалебную песню». Скальд отвечал: «Правда в том, что, когда я жил в Долине Эрна, мне пришло в голову, как далеко чернобровый Торбьёрг до твоей красоты. Я сочинил об этом песню». Затем Тормод произнес «Висы Черных Бровей» и обратил те стихи, где было больше всего слов о Торбьёрг, в хвалу Тордис. Девушка очень обрадовалась. И подобно тому, как

тучка разгоняет мглу над морем и ее сменяет яркий свет солнца при тихой погоде, так и песня изгнала все тревожные мысли и мрак из сердца Тордис.

На этом, однако, история не закончилась, ибо мать и дочь из Долины Эрна провели, что хвалебная песнь в честь Чернобровой отдана другой девушке. Их возмутило поведение Тормода. Вдова грозилась выставить многочисленных свидетелей и привлечь Тормода к ответу на тинге, если он прилюдно не признается в своей подлости. Тормоду не оставалось ничего другого, как повиниться и объявить, что висы действительно были сочинены для Чернобровой и принадлежат ей по праву.

Тогда наступила очередь Гримы гневаться на скальда, который подарил ее дочери чужую хвалебную песнь. Она призвала своего раба Кольбака, человека могучего сложения и сурового нрава, вручила ему тяжелый тесак и велела расправиться с Тормодом. Раб устроил засаду и неожиданно напал на скальда, когда тот возвращался домой. Он разрубил ему правую руку. Рана была столь тяжелой, что Тормод лечился двадцать месяцев, но его рука так и не обрела прежней силы и подвижности. Берси гневно выговаривал сыну: «Связавшись с троллем, не оберешься позора! Дорого обходятся тебе подружки! Из-за одной ты стал всеобщим посмешищем, из-за другой получил увечье, от которого не оправившись до конца жизни!»

Сидя в седле, Харальд поглядывал на искалеченную руку скальда. Из-за давней истории с чернобровой и белокурой подружками Тормоду приходилось биться левой рукой. Обычная длинная секира была тяжела для него, и скальд заказал кузнецу выковать ему короткую облегченную секиру. Она не имела наварки из стали, как на всех секирах, зато была полностью закалена от обуха до лезвия и очень остра. С помощью этого необычного оружия скальд накормил ужином множество воронов.

Тормод с запинкой спросил Харальда:

– Н..н..не жмут ли н..н..носки?

Как многие исландцы, скальд владел искусством вязания и сплетал шерсть не хуже, чем низал стихи. Его часто можно было увидеть с вязанием, причем левой рукой он вязал столь же ловко, как иные люди вяжут двумя руками.

– Носки в самый раз. Даже слишком теплые. Я снял их на ночь.

– Я сс. свяжу тебе пояс. После битвы... если останемся живы.

– Как тебе понравилась моя виса?

– Не дд. дурно для нн. начала.

Скальд был заикой. Но он заикался только в обычном разговоре. Когда дело касалось высокой поэзии, его речь текла бурно и неудержимо, подобно водопаду, низвергающемуся с горных вершин.

– В настоящей висе восемь строк, а ты сочинил только половину. Посмотрим, как ты справишься с флокком, состоящим из множества вис, а тем более с торжественной драпой, где необходим запоминающийся припев. Впрочем, если речь пойдет о твоей голове, ты сочинишь и драпу.

Харальд понял намек Тормода. Конунг Кнут Могучий однажды разгневался, что в его честь сочинили простой флокк, а не торжественную драпу. Он приказал бросить скальда в темницу, но тот за ночь переделал флокк в драпу и тем самым вернул милость повелителя. Был и другой случай. Эгилем, сыном Грима Лысого, звали скальда, который родился не исландцем, а норвежцем. Как всякий норвежец, он был свиреп и жаден до добычи. Норвежский скальд был в распри с конунгом Эйриком Кровавая Секира. Когда конунга изгнали из Норвегии, он уплыл в Нортумбрию и захватил власть в этой стране. Однажды корабль Эгиля, сына Грима Лысого, был выброшен бурей на побережье Нортумбрии. Он оказался в руках своего кровного врага. Чтобы спасти свою жизнь, Эгилю пришлось сочинить драпу, воспевающую жестокость Эйрика:

Серп жатвы сеч,

Сек вежи с плеч.

Эйрик Кровавая Секира был польщен и простил пленника. Поэтому скальд назвал спасительную драпу «Выкуп головы».

– Мне нет нужды сочинять хвалебные драпы. Пусть скальды воспевают мои подвиги, – задорно возразил Харальд. – Я просто люблю мед поэзии.

– Ты, конечно, слышал, что мед поэзии хитростью добыл одноглазый бог Один?

– Нет других богов, кроме Христа! – воскликнул Харальд.

– Зз. знаю, что надлежит верить только в христианского Бога. Но молодым скальдам не следует пренебрегать сказаниями предков. Будь по-твоему, я назову Одина смертным вождем племени асов, который отдал свой глаз, чтобы испить из божественного источника мудрости. Великан Суттунг спрятал мед поэзии в скале и велел своей дочери сторожить чудесный напиток. Тогда Один, умеющий принимать разные обличья, обернулся змеей и через расщелину заполз в скалу. Он соблазнил великаншу, которая дала ему выпить меда. Тогда Один обернулся орлом и улетел в Асгард, волшебный город асов. Но по пути он расплескал часть меда, который нес в своем клюве. Люди, испившие этот напиток, стали скальдами. Но имей в виду, Харальд, что часть меда Один проглотил, и то, что вышло с другой стороны из его заднего отверстия, досталось бездарным поэтам. Надеюсь, ты не хочешь попасть в их число?

– Я хочу лишь научиться толковать темные стихи и оснастить свою речь старинными выражениями.

– Похвально, что ты желаешь поднабраться мудрости. Открою тебе, что мед поэзии создается трояким путем. Всякую вещь можно назвать своим именем, но это проще простого. Второй вид поэтического выражения зовется заменой имен. А третий вид называется кённингом. Есть множество старинных кённингов, придуманных знаменитыми скальдами. Взять, к примеру, золотое ожерелье, которое подарил мне конунг. Оно, конечно, не потянет весом на марку, однако полмарки в нем будет наверняка. Щедрый подарок за старинную песню! Как бы ты описал то, что произошло между конунгом и мной?

– Очень просто. Конунг подарил тебе дорогое ожерелье, – пожал плечами Харальд.

– О нет! Слово «конунг» годится лишь для обыденной речи. Здесь напрашивается кённинг. Конунга можно назвать «Зачинщиком брани» или «Кормильцем бранных птиц», ибо вороны всегда слетаются покормиться телами павших на поле брани. А какой кённинг ты придумал бы для обозначения золота?

Харальд призадумался. Блеск золота навел его на сравнение, и он неуверенно выговорил:

– Пожалуй, золотое ожерелье можно назвать пламенем выи.

– Хх... хорошо! – кивнул скальд. – А еще допустимо сказать о золоте: «Заходящее солнце лба».

Харальд вспомнил шитую золотом повязку, которой его мать повязывала лоб по праздничным дням, и поразился точности кённинга. Повязка над холодными синими глазами Асты Гундбранддроттир отливала багровым отблеском, как закат над двумя горными озерами, лежащими у подножия ледника. Скальд продолжал свое поучение:

– Многие кённинги могут оценить только те, кто знает старинные сказания о богах и героях. Например, золото иногда называют «Рейна рудом» и «Распрей Нифлунгов».

– Я слышал, что на Рейне жили знатные братья Нифлунги, но плохо знаю сагу о них, – признался Харальд.

– О, это поучительная сага. У Нифлунгов была сестра, красавица Гудрун, которую они сначала выдали замуж за славнейшего из конунгов-воителей Сигурда. В земле саксов он известен под именем Зигфрид. Сигурд вызвал гнев валькирии Брюнхильд тем, что возлег на ее ложе без ее согласия. Брюнхильд подговорила своих родичей убить Сигурда. Когда он спал, его пронзили мечом, но, умирая, он вырвал из раны меч и метнул его в убийцу и пронзил того

насквозь. Так красавица Гудрун овдовела, но вскоре ее взял себе в жены конунг Атли, брат Брюнхильд. Иные называют его Атиллоу, вождем гуннов. У конунга Атли и Гудрун родилось двое сыновей. Конунг Атли решил убить братьев жены Нифлунгов, чтобы завладеть их несметными сокровищами. Он велел вырезать у них живых сердца. Гудрун отомстила за братьев. Она убила обоих своих сыновей от конунга Атли и велела сделать чаши из их черепов, оправив те чаши в золото и серебро. Когда устроили тризну по Нифлунгам, на пиру Гудрун подала мужу мед в тех чашах, и он был смешан с кровью мальчиков. Сокровища же никому не достались, ибо Нифлунги спрятали их на дне Рейна. Жестокой была распря. Поэтому самый точный кёнинг золота – это «металл раздора». Взять, к примеру, это золотое ожерелье, подаренное мне конунгом. Я знаю, что из-за него Торир Собака проткнул копьем дружинника Карли, а он был красивым и доблестным мужем.

– Случалось ли тебе, Тормод, сочинять ругательные висы? – спросил Харальд.

Харальд знал, что худо приходится людям, вызвавшим недовольство исландских скальдов. Таких людей принято высмеивать в нидах, или ругательных стихах. Однажды даны захватили наш торговый корабль. Альтинг ввел особую подать – один нид с каждого двора. Все принялись сочинять ругательные висы, соревнуясь в остроумии и язвительности. Хулительные стихи разлетелись по Северным Странам, приводя в ярость данов.

– О-о, однажды, когда я был в Гренландии и скрывался в пещере над фьордом Эйрика Рыжего.

– Что заставило тебя избрать столь непривычное жилище?

– Гг. гренландцы объявили меня вне закона за то, что я убил на тинге второго по могуществу хёвдинга в Гренландии. Признаться, я сильно скучал в пещере, потому что там было немного развлечений. Я бы связал там много теплых вещей, но под рукой не было овечьей шерсти. Один раз в хорошую погоду я вышел, чтобы подняться на скалу. По дороге я встретил безобразного человека в тулупе, сшитом из тряпок, многослойном, как овечий желудок, и в шляпе, кишашей гнидами. Я спросил, кто он такой, и он ответил, что бродяга, ходит, где укажут, а звать его Одди Вшивец. Тогда я предложил ему поменяться верхней одеждой. Отдал ему плащ, подбитый мехом, за вшивый тулуп.

– Неравноценный обмен!

– Зато благодаря вшивому тулупу я сумел подобраться к трем братьям-гренландцам, которые приплыли на своем корабле. Они не обратили на меня никакого внимания, так как думали, что по берегу бродит Одди Вшивец в оборванной одежде. Когда корабль пристал к берегу, один из братьев по имени Торкель перегнулся через борт. Я выскочил из-за сарая и секирой раскроил ему череп. Два брата бросились за мной в погоню. Мне удалось первым добежать до прибрежных скал и прыгнуть на выступ перед пещерой. За мной прыгнул брат по имени Торд. Но он неловко приземлился и наклонился туловищем вперед. В этот момент я вонзил ему секиру между лопаток по самую рукоять. Прежде чем я успел освободить свое оружие, на выступ прыгнул Фальгейр, самый могучий из братьев. Он нанес мне тяжелую рану. Он был очень высок, на две головы выше меня. Я скользнул ему под руки и схватил его за пояс. Мы оба рухнули со скалы в море. То один из нас, то другой оказывался сверху. Фальгейр был очень силен, а я ослаб от раны. Но поскольку в тот день мне не было суждено умереть, бечева на штанах моего противника внезапно лопнула. Ему стало тяжело держаться на плаву, он то и дело погружался в пучину и каждый раз хватал ртом соленой воды сверх меры. Кончилось тем, что он захлебнулся. Его труп качался на волнах со спущенными штанами, сверкая под солнцем голым срамом. Я уже и не надеялся добраться до пещеры, потеряв столько крови. Однако боги оказались милостивыми, и я выжил. Когда я лежал, страдая от раны, мне пришли в голову ругательные стихи. Вот послушай:

Я еще плескался,

Вдруг гузно всплывает.
Дылда сдох постыдно,
Лишь очко зияло!

– Обидные стихи! Чем же досадили тебе Фальгейр и его братья?

Тормод Скальд Черных Бровей промолчал. Харальд увидел, что скальд покраснел до кончиков черных волос. Кровь прилила к его щекам, и это было заметно, хотя лицо его было смуглым и обветренным. Юноша настаивал:

– Какова же была причина того, что ты опозорил братьев, а не воспел их как славных воинов, которых одолел в жарком поединке?

Скальд ответил, сильно запинаясь от волнения:

– О-о-они рр. распустили по всей Гренландии пп. позорные сс. слухи, будто я живу с мужчинами, как кк. кобыла с жеребцами.

Харальд едва не расхохотался, но, покосившись на грозную секиру скальда, спрятал ухмылку. Он не боялся смерти в бою. Однако скальд мог опозорить его в стихах, а это хуже самой мучительной смерти. Тормод заметил:

– Х..х..хорошо, что ты умеешь вовремя промолчать, Харальд. Э..э..это гораздо лучше, чем низвергать из уст ту часть меда поэзии, которая вышла из зада Одина.

Глава 4

«Солнце померкло, срываются звезды...»

К полудню войско конунга подошло к Стикластадиру и увидело врага. По зеленой долине двигались черные точки. Их было великое множество. Отряды бондов, подобно тоненьким ручейкам, сливались в грозное бушующее море.

– Их сотня сотен, конунг! – прикинул на глаз дружинник Торд, несший позлащенный стяг конунга.

– Боишься, Торд? – спросил конунг. – Уж не бросишь ли ты в бою мой стяг?

– Будьте спокойны, конунг. Ваш стяг останется реять над всеми, когда я паду мертвым на землю.

Харальд как замороженный смотрел на приближающихся бондов. Никому и никогда в Норвегии не удавалось поставить под боевые знамена столько людей. Воистину вся языческая страна бросила вызов Христовой вере! Харальд почувствовал, как в его сердце жажда битвы борется со страхом, нашептывавшим, что им не выстоять против такой несметной рати. Но вскоре страх сошел с него, словно жар с железа. У Харальда было очень маленькое сердце. Говорят, когда разрубает грудь храбреца, то всегда находят небольшое сердце, в котором мало крови. Наоборот, у труса большое сердце обливается кровью, что считается признаком страха. Недаром говорят, что сердце бьется в груди, ведь при этом и кровь в сердце, и само сердце приходят в движение.

Олав Толстый выстроил своих воинов и произнес перед ними следующую речь:

– У нас большое и хорошее войско! Жаль, что мы не успели соединиться с отрядом Дага. Но он еще подойдет. И хотя у язычников войска больше нашего, помните, что против вас бьется простой люд, необученный ратному делу. Будем сразу же решительно наступать, тогда исход битвы может решиться в нашу пользу. Если их первые ряды дрогнут, то при отступлении они сомнут тех, кто будет позади них. И чем больше там будет бондов, тем сильнее будет их смятение.

Харальд восторженно пожирал брата глазами. Олав был облачен в кольчугу, на его голове блистал позолоченный шлем, в одной руке он держал белый щит с крестом из золота, в другой – копьё. Знаменосец Торд держал наготове секиру конунга по имени Хель, и действительно, эта секира отправила в мир иной великое множество язычников, отвергших любовь Господа нашего Иисуса Христа. На поясе конунга висел острый меч Хнейтир с рукоятью, обвитой золотом, – предмет нескрываемой зависти Харальда. Его собственный меч, унаследованный от отца, был слишком длинным и тяжелым, и даже желоб вдоль клинка лишь немного облегчал вес. Вдобавок Сигурд Свинья дал мечу незатейливое имя Жернорез, которое казалось Харальду совсем непоэтичным.

Воины спешили и отогнали подальше лошадей, верховых и вьючных. Норманны всегда сражаются пешими, не доверяя свои жизни пугливым животным. Олав Толстый приказал воинам отдохнуть перед битвой. Он прилег на траву, снял шлем, положил голову на колени Финна, сына Арни, и сомкнул очи. Между тем отряды бондов приближались. Финн внимательно наблюдал за ними и, когда враг подошел к холму, осторожно тронул плечо спящего. Олав сладко потянулся:

– Наконец я заснул. Жаль, что ты не дал досмотреть чудесный сон. Я поднимался на небо по длинной лестнице. И чем выше я поднимался, тем больше открывалось моему взору. Я увидел весь Трондхейм, потом всю Норвегию и все Северные Страны, потом Восточный Путь и Гардарику и самые отдаленные края земли, о которых мне довелось только слышать.

Мне осталось поставить ногу на самую верхнюю ступеньку, как вдруг ты разбудил меня, и я не увидел, что там, на небе.

– Не нравится мне ваш сон, конунг! Он предвещает недоброе. Бонды уже близко!

Конунг поднялся, за ним встали все воины. С холма можно было видеть краешек синего фьорда и петляющую по долине речку. Между тем враг окружал пригорок. Язычники медлили с нападением, потому что не все их отряды еще подошли. Конунг тоже выжидал, не оставляя надежды на подход Дага с подмогой.

Язычниками предводительствовали знатные люди, держатели ленов – обширных владений, с которых они собирали подати. В других странах держателей ленов называют баронами и графами, а в Дании и Норвегии – лендрманнами. Конунг увидел стяг лендрманна Кальва, сына Арни, и крикнул ему:

– А ты почему здесь, Кальв? Не подобает тебе бросать в нас копье, ведь с нами четверо твоих братьев!

Рослый лендрманн отвечал:

– Многое теперь не так, как должно бы быть! Ты уехал в Гардарику, покинул своих подданных. Но мы могли бы еще помириться, если бы это зависело от меня.

Олав вполголоса спросил Финна:

– Можно ли доверять твоему брату?

– Похоже на Кальва: если он говорит хорошие слова, значит, задумал злое дело. Не верьте ни единому слову!

– Скоро мимунди – три часа пополудни. Они все непременно соберутся к мимунди, а Дага не видно. Уж не изменил ли родич? – вслух раздумывал Олав.

Отряды язычников подтягивались к холму. Последней подошла дружина лендрманна Торира Собаки, который зорко следил, чтобы ни один бонд не отстал и не уклонился от битвы. Торира можно было узнать по длинной рубахе из оленьих шкур. Две предыдущих зимы он ездил далеко на север торговать с финнами и остался в большом барыше. В Финмарке он велел сшить себе дюжину оленьих рубах, заколдованных от железа, ибо никто не был так изощрен в волшебстве, как финские колдуны. Видя, что все бонды на своих местах, Торира Собака высоко поднял копье и крикнул страшным голосом:

– Вперед! Вперед, войско бондов!

Конунг ответил еще более грозным боевым кличем:

– Вперед, люди Креста! Вперед, люди конунга!

Харальд впервые слышал боевой клич брата, от которого кровь стыла в жилах. Повинуясь громоподобному призыву, Харальд вместе с другими воинами бросился вниз по склону навстречу язычникам. Прямо на него бежал низкорослый бонд, вооруженный топором на длинном древке. Харальд на голову возвышался над противником, но плотный бонд был вдвое тяжелее юноши. Когда они столкнулись, Харальду показалось, что он с разбега налетел на нескрушиваемую скалу. Он отлетел в сторону, как пушинка, а щит выпал из его рук. Ошеломленный ударом, Харальд лежал навзничь перед язычником, который занес над ним свой боевой топор. Вдруг язычник согнулся пополам и рухнул на землю. За его спиной стоял скальд Тормод без шлема, в одной рубахе. Левой рукой он всадил короткую секиру в спину бонда и напутствовал его словами:

– П..п..прости, но сегодня тебе не судьба стоять над телом юного любителя меда поэзии!

Выдернув секиру, скальд побежал дальше. Харальд с трудом поднялся. Отцовский меч был привязан к его правой руке, щит же он не догадался привязать, и тот укатился вниз по склону. Искать щит было некогда, потому что на Харальда набегал другой бонд, такой же плотный, как и первый, но при этом более рослый. Харальд схватил рукоять меча двумя руками и обрушил на язычника град ударов. Так учил Храни Путешественник, вернувшийся с братом из викингского похода. Храни был немолод годами, но мать не хотела другого наставника для

своих детей. Целыми днями они со старшими братьями махали игрушечными деревянными мечами, пока Храни лениво дремал на солнышке. Иногда викинг сбрасывал дрему и показывал детям тот или иной хитрый прием. Он хвалил Харальда, говорил, что тот напоминает ему юного Олава, который тоже стремился первенствовать во всех детских играх. Но Храни предупреждал, что ничья рука не сможет наносить удары мечом бесконечно долго.

И действительно, Харальд ощущал, как с каждым ударом меч становился все тяжелее и тяжелее. Его удары замедлились, язычник уже легко отбивал их щитом и приготавливался нанести ответный удар топором, как вдруг заметил, что бьется один на один, в то время как его товарищей потеснили вниз по склону. Бонд в тревоге оглянулся, и в этот момент Харальд вспомнил уроки Храни Путешественника. Вместо того чтобы нанести очередной размашистый удар, он сделал глубокий выпад и поразил мечом язычника, не успевшего закрыть горло щитом. Юноша почувствовал, как на другом конце стального клинка забились в смертной муке человеческая плоть. Язычник медленно заваливался вперед, как дикий вепрь, насаженный на вертел.

При виде темной струи, хлынувшей по желобу Жернореза, Харальд испытал восторг, в тысячу раз более сильный, чем радость, которая охватывала его на охоте, когда метко пущенная стрела повергала наземь оленя. «Первый убитый мною воин! Взрослый и могучий воин, не какой-нибудь недомерок, а матерый вепрь! Славная добыча! Первый, но не последний!» Упершись ногой в осевшего на колени язычника, он с трудом вызволил меч. Мертвое тело отпустило клинок с жалобным хлопаньем. Харальд бросился вперед, размахивая окровавленным оружием.

Как и рассчитывал конунг, бонды не выдержали первого натиска и отступили к подножию холма. Минуту спустя они повернули спины и бросились бежать. Их встретили дружинники лендрманнов, заранее вставшие позади на случай, если вооруженные топорами земледельцы дрогнут. Бонды оказались между копьями дружинников, гнавших их обратно, и мечами воинов конунга, поражавших их в спины. Они метались, как овцы, когда в загон врываются волки. В это время Торд, знаменосец конунга, стоявший со стягом на самой вершине холма, торжественно крикнул:

– Даг! Даг появился!

Харальд увидел цепь людей, спускавшихся с соседнего холма. Три сотни свежих воинов обрушились на войско бондов. Замешательство язычников переросло в ужас. Они бросали топоры и щиты и бежали беспорядочной толпой, смяв дружины лендрманнов. Торир Собака метался между отступавшими, выкрикивая, что у Дага совсем мало людей, но его никто не слушал, а с вершины холма доносился леденящий кровь клич Олава Толстого:

– Вперед, люди Креста! Вперед, люди конунга!

Харальд поравнялся с Тормодом, придержавшим юношу левой рукой:

– Н..н..не спеши, мой юный скальд! Негоже брату конунга самому рубить трусливых бондов! Предоставь это простым воинам. Сражение выиграно, хотя сначала я опасался, что наше дело пропало. Повезло конунгу! А ведь потом скальды в песнях станут всех уверять, что так и было задумано, чтобы Даг со своими людьми появился в разгар сечи. Конечно, так скажут. Да я и сам первый скажу!

Скальд поднял глаза к небу и вдохновенно запел, на ходу слагая вису:

Войско Олав Толстый,
Вел конунг к победе,
Герой броненосный.
Вот грядут с востока,
Свеи, что по свежей
Крови шли с державным,
Слог мой ясен... э-э-э... Что это?

Скальд замолк. Харальд поднял голову и тоже замер в изумлении. С раннего утра на синем небе не было ни облачка и ярко сияло солнце. Сейчас же голубое небо потемнело, на солнце пала тень. Необыкновенно быстро смеркалось. Багровое небо стало темно-багровым, потом черным. Потянуло ночным холодом. Сражавшиеся замерли, опустив мечи и топоры. Наступила зловещая тишина, нарушаемая лишь слабыми звуками, которые доносились из лежавшего неподалеку Стикластадира. Это было испуганное ржание лошадей и мычание коров. Им вторил волчий вой, раздавшийся где-то в горах и относимый ветром на огромное расстояние. В черном небе заблестали яркие звезды.

Тормод, воздевший руки к звездному небу, обреченно воскликнул:

– Рагнарёк! Гибель богов!

В детстве Харальд слышал прорицание вельвы о конце мира и гибели богов. Вельва – старуха, предсказывавшая будущее, – ходила от усадьбы к усадьбе. Ее везде встречали как желанную гостью, ибо каждый хозяин хотел услышать из уст прорицательницы, следует ли ожидать засухи или бояться заморозков. Харальд был совсем ребенком, но его поразил вид старухи, и он хорошо запомнил ее одеяние. На вельве был синий плащ, завязанный спереди ремешками и отороченный самоцветными камушками до самого подола. На шее – стеклянные бусы, а на голове – черная смушковая шапка, подбитая белым кошачьим мехом. В руке она держала посох с набалдашником, оправленным желтой медью и усаженным самоцветами. Пояс у нее был из трута, а на поясе висел большой кошель, в котором она хранила зелья, нужные для ворожбы. Она была обута в мохнатые башмаки из телячьей кожи, и на них были длинные и крепкие ремешки с большими пряжками из желтой меди. На руках у нее были перчатки из кошачьего меха, белые и мохнатые изнутри. Аста почтительно приветствовала вельву и велела угостить ее на славу. Для нее приготовили кашу на козьем молозиве и блюдо из сердец животных всех доступных видов. Когда старуха насытилась, Аста попросила ее окинуть взглядом стада, домочадцев и дом.

Но узнать о видах на урожай не удалось. Вельва встала на пень, поправила шапку, подбитую кошачьим мехом, которую носила и зимой и летом, и начала прорицать о конце мира: «Родичи близкие в распрях погибнут! Треснут щиты, и наступит век бурь и волков. Фенрир Волк разорвет волшебные путы и поглотит дневное светило».

Харальд глядел на небо, пытаясь понять, куда же исчезло солнце, но увидел только звезду, промелькнувшую вниз по темному небосклону. И об этом тоже вещала вельва, сверкая зелеными глазами из-под шапки кошачьего меха: «Солнце померкло, срываются с неба светлые звезды». Вой, доносящийся с гор, как будто возвещал наступление века бурь. Харальд вспомнил слова вельвы, что задрожит земля и море хлынет на сушу, ибо Мировой Змей поднимется из бездонной пучины. По пенному гребню волны, сметающей все на своем пути, пронесется корабль Нагльфар, сделанный из ногтей мертвецов. Волк, поглотивший солнце, изрыгнет пламя из глаз и ноздрей. Мировой Змей столь же ужасен, его губительным ядом напитаны воздух и вода. В грохоте расколется небо, и с него спустится блистающее светом воинство великанов во главе с Суртом. Славный у него меч, ярче свет от того меча, чем от солнца. Великан Сурт метнет огонь на землю и сожжет весь мир. Земля, объята пламенем, погрузится в кипящее море. Погибнут боги и род людской. А потом через сотню сотен лет поднимется из моря земля, зеленая и прекрасная. Поля, незасеянные, покроются всходами. Из пещер выйдет горстка людей, уцелевших в пламени Сурта, и жизнь начнется сначала.

Харальд замер в ожидании землетрясения, но склон под его ногами не шелохнулся. Вдруг на темном небе возник тонкий краешек солнца. Он рос, как растет луна, только очень быстро превращаясь из тоненького серпа в полумесяц, а потом и в круглый диск. Небо просветлело, стали видны замершие в неподвижности воины. Солнце вновь засияло, как будто волк Фенрир подавился светилем и изрыгнул его прочь. Еще мгновение, и воцарился ясный день. Замолк

далекий волчий вой, стихло испуганное коровье мычание, и на поле боя послышалось пение птиц, громким хором встречающих утро после темной ночи.

Минуту назад люди в испуге ожидали Рагнарёка – гибели мира. Но страх быстро прошел. Кто-то поднял опущенный топор, нерешительно взмахнул им. Противник отбил топор и нанес ответный удар. Постепенно стычки возобновились то в одном, то в другом месте, и вскоре сражение закипело с прежней силой. Когда солнце вышло из мглы, люди Дага потеряли преимущество, полученное благодаря неожиданности нападения. Бонды увидели, что нападавших очень мало, и теперь теснили их назад. На склоне холма язычники, чье беспорядочное бегство было прервано солнечным затмением, быстро оправались. Один за другим на землю падали дружинники конунга. Каждый из павших успевал прихватить на тот свет нескольких врагов, но место убитых бондов тотчас занимали другие, тогда как ряды воинов конунга быстро редели. Особенно большой урон причиняли стрелы и камни, которые метали язычники, расположившиеся с луками и пращами на безопасном расстоянии. Под дождем стрел и камней дружинники конунга пятились вверх по склону холма.

Отступавшие дружинники увлекли Харальда за стену из щитов, которыми отборные воины прикрывали конунга. Харальд слышал, как окольный Бьёрн крикнул брату:

– Спасаемся бегством, конунг! Они оставили путь к отступлению.

Олав Толстый спокойно произнес:

– Позволяю тебе бежать, Бьёрн окольный. И пусть спасаются все, кто пожелает. Но я останусь здесь, чтобы победить или умереть.

– Я с вами до конца, конунг, – ответил окольный.

– Тогда вперед, люди Креста!

С этим кличем Олав и его приближенные вышли из-за стены щитов. Когда бонды увидели перед собой конунга, их сердца преисполнились ужасом, а руки с оружием опустились. Пятнадцать лет язычники трепетали при одном лишь упоминании об Олаве Толстом, и сейчас выше их сил было глядеть на суровое лицо повелителя. Но за те же пятнадцать лет набралось множество смелых людей, обиженных конунгом и мечтавших отомстить за свои обиды. Их собрали вокруг себя лендрманны Кальв и Торир Собака. К ним присоединился Торстейн Корабельный Мастер, поклявшийся перед битвой, что будет первым, кто нанесет удар Олаву конунгу. Он хотел отомстить конунгу за то, что тот отобрал у него корабль, лучший из всех торговых кораблей. Расталкивая оробевших бондов, Кальв, Торир и Торстейн с двумя десятками дружинников пробивались к Олаву Толстому.

Вокруг Олава Толстого закипела яростная схватка. Первыми пали исландские скальды, сопровождавшие конунга. На Гицура Золотые Ресницы напали сразу двое. Он отшвырнул их как котят, но третий нападавший зарубил его топором. Торир Собака набросился на конунга с копьем наперевес. Олав взмахом меча ранил лендрманна в кисть руки. Следующий удар должен был разрубить его пополам, но острый Хнейтир не смог пробить оленью рубаху. Конунг нанес еще один удар, и клинок со звоном отскочил от неуязвимого одеяния.

– Прибей пса деревом, раз его не берет железо! – крикнул конунг Бьёрну окольному.

Имя Бьёрн не случайно означало «медведь». Пожилой окольный был могучим, как лесной зверь. Он повернул топор и обухом ударил Торира Собаку. Удар был так силен, что Торир рухнул на колени. Однако в падении он вонзил копьё в грудь окольному. Поднимаясь с колен, лендрманн пошутил:

– Вот так мы бьем рогатиной медведей!

Торстейн Корабельный Мастер, орудуя секирой, как плотницким топором, подобрался к конунгу. Финн, сын Арни, был начеку и поразил его мечом. Торстейн упал, обливаясь кровью, однако успел ударить конунга секирой по голени. Олав пошатнулся, выронил меч и оперся о большой камень. Финн, получивший несколько ран, повалился рядом с бившимся в предсмертных корчах окольным Бьёрном. Раненый конунг остался один, и некому было прийти

к нему на выручку. Олав стоял у скалы, не делая попытки поднять с земли свой Хнейтир. Его губы шептали молитву, а глаза спокойно смотрели на лендрманна Кальва, замахнувшегося на него мечом, и Торира, нацелившего на него копье. Кальв рубанул его мечом по шее, а Торир Собака вонзил копье в низ живота, где кончалась кольчуга. Конунг медленно сполз по скале, оставляя кровавый след на поросшей зеленым мхом поверхности.

Увидев, что их господин повержен, воины конунга обратились в бегство. Харальд бежал вместе со всеми. Добежав до конца склона, он повернулся и увидел на вершине холма дружинника Торда, сына Фоли. Знаменосец конунга остался в одиночестве. Он воткнул древко знамени в расщелину между камней и поднял секиру Хель, готовясь встретить язычников, взбравшихся на вершину холма. В этот момент спасавшихся бегством осыпали градом камней, пущенных из пращей. Один из острых камней ударил Харальда в плечо. Острая боль пронзила его тело. Он повалился на землю. Последнее, что увидел Харальд, теряя сознание, это позлащенное знамя на вершине холма. Знаменосец Торд выполнил свое обещание. Он лежал на камнях, рядом с его телом валялась страшная секира Хель, а над разможенной головой знаменосца нестерпимо сиял стяг Олава конунга...

Глава 5

«Рядом с сердцем, чую, встрял зубец железный...»

Харальд, сын Сигурда Свиньи, брат конунга Олава Толстого по матери, был в битве при Стикластадире, в которой пал Олав конунг. Харальд был тогда ранен и бежал вместе с другими. Он был близок к гибели, но ему помог спастись Рёнгвальд, сын ярла Бруси. Следует сказать о спасителе Харальда. Он был сыном ярла, правившего Оркнейскими островами. Ярлы не платили дани норвежским конунгам, потому что им приходилось тратить много сил на защиту островов от врагов. Так повелось со времен конунга Эйрика Кровавая Секира, когда островами правил ярл Торфинн Кроитель Черепов. Его правнук ярл Бруси не мог разделить власть с братьями. Тогда он отправился на восток к конунгу Олаву Толстому и взял с собой своего сына Рёнгвальда, которому было десять лет. Ярл попросил конунга о помощи, предлагая взамен верную дружбу. Олав Толстый согласился помочь при условии, что ярл передаст ему власть над своими наследственными владениями. Ярл Бруси вынужден был согласиться, принес клятву верности и получил острова в лен от норвежского конунга. Перед тем как отпустить ярла, Олав Толстый сказал: «Теперь ты мой человек. А чтобы ты оставался мне верным другом до конца, я хочу оставить у себя твоего сына Рёнгвальда». Сын ярла остался заложником при дворе конунга. Рёнгвальд был очень хорош собой. Волосы у него были пышные и золотистые, как шелк. Он скоро вырос и стал большим и сильным. Он был умен и знал, как вести себя при дворе.

Рёнгвальд был в сражении и храбро бился, а потом бежал, увлекаемый всеми. Он видел, как Харальд упал от удара камня, пущенного из пращи, и подхватил брата конунга на руки. Он вынес его в безопасное место. Когда Харальд пришел в себя, он первым делом спросил о судьбе брата.

– Олав конунг убит, – печально ответил Рёнгвальд.

– Убит... – поник головой Харальд.

Ему предстояло смириться с мыслью, что брата нет среди живых. Перед его глазами промелькнули последние мгновения битвы, когда Торир Собака вонзил копье в живот конунга. Но почему брат не рассек Торира своим острым Хнейтиром? Видать, правду говорят, что финские колдуны заколдовали его оленью куртку. Или он надел под куртку крепкую кольчугу, а толстый мех смягчал удар – вот и все колдовство.

Брат пренебрегал подобной предосторожностью. Однажды Олав захватил в плен сразу пять уплёндских конунгов-язычников. Он приказал отрезать пленным языки, а одному – выколоть глаза. Слепого он оставил при своем дворе для потехи. Хрёреком звали его. Он приходился дальним родственником конунгу. Хрёрик был очень гордым человеком и никак не мог смириться со своим положением. Слепец постоянно искал случая убить человека, приказавшего изувечить его. Однажды в праздник Вознесения Господня конунг шел к мессе. Хрёрик положил руку ему на плечо и спросил: «На тебе сегодня парчовое одеяние, родич?» – «Да, потому что сегодня большой праздник. В этот день Иисус Христос вознесся с земли на небо». – «Я не могу запомнить ничего из того, что ты рассказываешь о своем Христе. Ты думаешь, он совершит чудо, чтобы помочь тебе?» На самом деле Хрёрик положил руку на плечо конунга, чтобы узнать, не надел ли тот кольчугу под парчовое одеяние. Олав был без кольчуги и, когда он встал пред алтарем, Хрёрик выхватил спрятанный кинжал и ударил конунга. К счастью, как раз в этот момент Олав преклонил колени, и слепой промахнулся. Конунг отпрянул, а слепой, размахивая кинжалом, кричал на всю церковь: «Где же ты, Олав конунг? Что же ты бежишь от меня, слепого?»

Потом слепца отослали в Исландию к законоговорителю Скафти. В нашей стране он поселился на небольшом хуторе под названием Телячья Кожа и жил счастливо, потому что сам себе был хозяином. Потом он умер в хорошем расположении духа. Он являлся единственным конунгом, который жил в Исландии.

Рёнгвальд хотел нести раненого Харальда на себе, но тот воспротивился:

– Я пойду сам!

Опираясь на плечо сына ярла, Харальд сделал несколько шагов. Ноги плохо слушались его, но все же он мог идти. Они брели между мертвых тел, которыми было усеяно поле боя. При их приближении из травы взлетали черные птицы. Недаром битву называют «пиршеством вранов». Харальд подумал, что среди черных птиц, клевавших трупы, находятся вороны Хугин и Мунин – так их прозывают, а означают их имена Думающий и Помнящий. Два ворона сидят на плечах бога Одина и шепчут на ухо обо всем, что видят или слышат. Бог Один шлет их на рассвете летать над всем миром, а к завтраку они возвращаются. От них-то и узнает он все, что творится на свете. Поэтому его называют Богом Воронов. Сказано так:

Хугин и Мунин
Над миром все время
Летают без устали.

Два ворона донесут Одину о битве, в которой пал воин Христа, пытавшийся низвергнуть языческих богов. Не только птицы слетелись на поле сражения. Между телами бродили бонды, выискивая своих раненых. Повезло тем, у кого имелись родственники в войске язычников. Кальв, сын Арни, разыскал раненого Финна. Тот поносил брата последними словами и в гневе метнул в него кинжал, но Кальв, не обращая внимания на брань, приказал отнести Финна на свой корабль. Судьба других раненых была печальной. За войсками следовали толпы нищих и бродяг, терпеливо ждавших добычи. И вот пробил их час. Состязаясь с черными воронами, они набрасывались на трупы, раздевали их донага и дрались между собой за добычу. Живых людей, попавшихся им под руку, бродяги добивали камнями и грабили подчистую.

– Куда мы идем? – спросил Харальд.

– Я слышал, что здесь живет старуха-лекарка. Она слышет ведьмой и умело врачует раны.

Вскоре они нашли жилище лекарки. Крышу ее землянки, поросшую травой и кустарником, нельзя было бы различить даже с десяти шагов, если бы не громкие стоны, раздававшиеся среди кустов. Рёнгвальд шепнул Харальду, чтобы тот прикрыл лицо. Разный народ приходит к лекарке, они могут узнать брата конунга и выдать его врагам. Вокруг землянки собралось множество людей, нуждавшихся в помощи. Среди раненых они увидели Тормонда Скальда Черных Бровей. Он был бледен, словно мертвец. Темные кудри оттеняли снег его лба, покрытого испариной.

– Должно быть, ты ранен, скальд? – спросил Рёнгвальд.

Тормонд отнял свою руку от левого бока и показал обломанный комель стрелы, торчащий из-под рубахи. Он прошептал белыми губами:

– Рядом с сердцем, чую, встрял зубец железный!

– Неудивительно, ведь ты почему-то сражался без кольчуги.

– Нет, удивительно! – с трудом произнес скальд. – Я сражался без доспехов, потому что жаждал славной смерти. Однако во время битвы ни меч, ни секира, ни копье не задело меня. Когда битва завершилась, я вздрогнул на злую судьбу, ибо дал клятву разделить участь конунга. И тут, не иначе как пущенная из облаков, просвистела стрела и встала рядом с сердцем.

– Стрелы не прилетают с небес, – усомнился Рёнгвальд.

– Уверю тебя, вокруг не было ни души. И эту стрелу пустили так метко, как не смог бы сделать даже Эйнар Брюхотряс, лучший лучник в Норвегии.

– Эйнара точно не было в войске бондов, – заверил сын ярла. – Говорят, он в Энгланде выпрашивает ярлство у Кнута Могучего. Хорошо, что ты здесь, скальд. Оставлю на тебя Харальда, а сам отправлюсь на поиски людей конунга, укрывшихся в окрестностях. Как знать, может, мне удастся собрать отряд и мы пробьемся в Швецию. Если я не вернусь, уходите отсюда сразу же, едва перевяжут ваши раны. Сейчас Торир Собака преследует отряд Дага, но он скоро возвратится, и тогда не будет пощады тем, кто сражался на стороне Олава конунга.

Бледный скальд молча кивнул. Рёнгвальд ушел. Вскоре после его ухода из землянки выползла изможденная старуха зловещего вида. Она принялась осматривать раненых. Некоторым раненым лекарка без обиняков говорила, что они вряд ли дотянут до утра, поэтому не стоит тратить на них время. Тощая старуха развела в землянке огонь и приступила к врачеванию. Все время прибывали все новые раненые. У одних хватало сил приковылять самим, других приносили друзья. Вместе с ранеными пришел бродяга. Наметив хищным взглядом человека, впавшего в забытие, он подходил к нему и обшаривал его одежду. Ни у кого не было сил остановить его, и он беззастенчиво обирал умирающих и бормотал себе под нос:

– Вот уж не думал, что в один день увижу сразу два чуда: как померкло солнце и как был разбит наголову Олав конунг. Возможно, люди конунга смело сражались, но раны они переносят малодушно. стыдно смотреть, как взрослые мужи стонут и плачут от пустяковых царапин.

Внимание бродяги привлек бледный и молчаливый скальд. Грабитель спросил Тормода:

– Ты был в бою? На чьей стороне?

– На стороне тех, чье дело лучше, – уклончиво ответил исландец.

Оборванец не унимался. Глядя на шею Тормода, он угрожающе сказал:

– Ты, верно, человек конунга? У тебя драгоценное ожерелье. Подари его мне, а не то я выдам тебя бондам.

– Возьми, если хочешь! Мне ничего не жаль. Я потерял больше в этом сражении, – покорно вымолвил скальд.

Но едва бродяга протянул руку к ожерелью, Тормод молниеносно выхватил короткую секиру, спрятанную под плащом, и отсек грабителю кисть руки. Бродяга завопил от боли. Из обрубка руки вверх била алая струя. Махая обрубком, бродяга бросился наутек, поливая тропу кровью. Все раненые, лежавшие вокруг хижины, громко рассмеялись.

– Порицал других, что не могут терпеть боли, а сам вскричал, как трусливый заяц! – хохотал умирающий, которому лекарка отказала в помощи.

Другой раненый, с застрявшим в черепе топором, не мог говорить и только вздрагивал в приступе неудержимого смеха. Тормод спрятал острую секиру и сказал:

– Спасибо бродяге за то, что потешил меня перед смертью.

– Ты собираешься умирать, скальд? – удивился Харальд. – Ведь ты выздоравливал даже после более страшных ран.

– Я хочу попасть в тот же приют, что и конунг, а жизнь теперь для меня хуже смерти.

– Брат сейчас в раю.

– В... в... в х..х..христианском раю? В..в..возможно. Но я все же надеюсь встретиться с ним в Вальхалле.

Вальхалла, или Чертог Мертвых, стоит в Астарге, волшебном городе асов. Высока и обширна обитель мертвых. В ее стенах сделано пятьсот дверей и еще сорок. Через каждую дверь могут пройти восемь сотен воинов, павших в битвах. Их называют эйнхерии. В Чертоге Мертвых царит веселье. С раннего утра, как только пропоют петухи, эйнхерии облакаются в доспехи и, выйдя из палат, бьются и поражают друг друга насмерть. В том их забава. А как подходит время к завтраку, они едут обратно в Вальхаллу и садятся пировать. Так говорится:

Эйнхерии все

Рубятся вечно,
В чертоге у Одина
В схватки вступают,
А кончив сраженье,
Мирно пируют.

На пиру собираются все павшие в битвах с тех самых пор, как был создан мир. Но сколько бы ни было эйнхериев в Вальхалле, всегда хватает им мяса вепря по имени Сэхримнир. Каждый день вепря варят, а к вечеру он снова цел. И конечно, дичь запивают не простой водой, ибо многим, попавшим в Вальхаллу, слишком дорогим питьем показалась бы та вода, если бы не сулила им Вальхалла лучшей награды за раны и смертные муки. Коза по имени Хейдрун стоит в Вальхалле и шиплет иглы с ветвей того прославленного дерева, что зовется Лерад. А мед, что течет из ее вымени, каждый день наполняет большой жбан. Меду так много, что хватает напиться допьяна всем эйнхериям. Лишь одноглазый Один, хозяин Вальхаллы, ничего не ест. Всю еду, что стоит перед ним на столе, он бросает двум волкам – они зовутся Гери и Фреки, что означает Жадный и Прожорливый. Ему не нужна никакая еда. Он пьет лишь вино и следит за тем, чтобы его гости ни в чем не знали нужды.

Впрочем, Вальхалла является измышлением язычников, не знающих истинной веры. Нет никакого Астарга, никогда не было асов и ванов. Никто не видел Чертога Мертвых, зато доподлинно известно, что существует преисподняя, где будут вечно мучиться язычники, которые молятся Одину, Тору и иным злым духам. Тормод Скальд Черных Бровей разделял языческое заблуждение, что доблестные воины попадают в Вальхаллу и в загробном мире бьются и пируют, как на грешной земле.

Пока Харальд размышлял, почему скальд стремится попасть в Чертог Мертвых, подошел их черед предстать перед старухой-лекаркой. Пригнув голову, Харальд переступил порог низкого жилища колдуньи. На земляном полу стоял большой каменный котел, под ним был разведен огонь. Старуха варила в каменном котле травяной отвар, которым промывала раны.

– Ты бледен, парень, словно мертвец! – сказала старуха, окинув взором Тормода, вошедшего в землянку следом за Харальдом.

– Я не бледный, я румяный, – нашел силы пошутить скальд.

Старуха не отвечала, не поняв шутку, и только Харальд оценил слова скальда. Румяный – это багряный, то есть обогранный кровью.

– Сначала помоги ему, – попросил Тормод, показывая левой рукой на Харальда.

Старуха ощупала предплечье юноши. Харальд едва сдерживался, чтобы не закричать. Липкая холодная испарина покрыла его лоб, глаза застилала пелена, и низкий потолок землянки грозил опрокинуться на голову.

– Кость сломана, только и всего. Сейчас поправлю.

Лекарка выбрала из кучи хвороста две короткие палки, наложила их на сломанное предплечье, туго связала палки ремнями и в завершение помазала распухшую руку густым зельем.

– Не развязывай, пока не заживет. У молодых кости быстро срастаются. А что с тобой? Стрела?

Скальд обнажил бок. Лекарка осмотрела рану, покачала головой:

– Эх, застряла слишком близко к сердцу! Боюсь, помрешь.

Ухватившись худыми цепкими пальцами за обломанный комель стрелы, старуха дернула несколько раз. Зазубренный наконечник крепко сидел в боку и не поддавался.

– Придется вырезать стрелу!

Скальд кивнул. В его лице не осталось ни кровинки. Старуха взялась за нож, начала кромсать плоть. Исландец не издал ни звука, только стиснул зубы.

– Не получается! – обескураженно призналась лекарка. – Попробую клещами.

Она подняла с пола железные клещи, стряхнула с них золу. Перед клещами обломок стрелы не устоял. Лекарка с усилием выдернула наконечник. Он был стариннойковки. Наверное, прапрадед какого-нибудь бонда стрелял подобными стрелами в викингских походах. На ржавых зазубринах стрелы остались волокна белого цвета. Скальд глянул на них, и подобие улыбки промелькнуло по его белому лицу.

– Хорошо нас кормил конунг. Жир даже у меня в сердце.

С этими словами исландец повалился на спину и зашептал бескровными губами:

Не есмь я бледен,
Но багряный муж,
Принадлежит худой жене,
Рядом с сердцем, чую,
Встрял зубец железный!
На тропе болотной... язв
Бури дня... мне дюже...

Тормод замолк. Харальд склонился к скальду. Приложив ухо к его губам, он с трудом разобрал:

– З... з. заверши мою вису, Харальд! В... в... ведь ты же любитель меда поэзии...

С этими словами Тормод Скальд Черных Бровей умер, не закончив своей последней висы. Харальд мысленно попрощался с другом: «Легкой тебе дороги, Тормод! Не знаю, куда ты держишь путь, в рай к Иисусу Христу или в Чертог Мертвых на пир к Одину! Жаль, что ты не успел поведать мне все тайны стихосложения». Для мужчины есть более достойное занятие, чем оплакивать погибших. Харальд забрал грозную секиру скальда. Он потянулся за золотым ожерельем, но не нашел его на шее скальда. Видимо, старуха опередила его. Харальд почувствовал прилив гнева. Мало того, что гнусная колдунья ничем не помогла, она еще ограбила мертвого. Он взял здоровой рукой секиру и гневно крикнул старухе:

– Верни ожерелье!

– Мне положена плата за твое излечение. В смерти твоего друга я не виновата. Даже Один и Тор не спасли бы его.

– Хватит пререкаться, старуха! Сдается мне, что ты уже говоришь устами покойницы. Верни украденное, или я рассеку тебя пополам!

Худая колдунья испугалась Харальда, приближавшегося к ней с острой секирой. Скорчив гневную гримасу, она швырнула на земляной пол золотое ожерелье и разразилась грубой бранью. Харальд поднял ожерелье и вышел из землянки лекарки. Ему предстояло найти надежное укрытие. Оглядевшись вокруг, он увидел на соседнем пригорке полуразрушенный сарай и решил спрятаться под его просевшей крышей.

По пути к сараю он размышлял над кённингами незаконченной висы. «Багряный муж» – это Тормод, обогранный кровью. «Зубец железный» – ржавый наконечник стрелы, прилетевшей неизвестно откуда. Топкая тропа, ведущая к сараю, подсказала Харальду еще один ответ. Бродяга, которому Тормод отсек воровскую кисть, бежал по этой тропе. Вдоль нее тянулся след из кровавых пятен. Глядя на кровавый след, Харальд сразу же вспомнил, что скальды называют кровь «болотом язв», а рану – «тропой». Но он не мог понять, кого скальд назвал худой женой, которой принадлежит обогранный кровью муж с железным обломком у самого сердца. Лекарка, клещами выдернувшая стрелу, была изможденной старухой. Но разве скальд принадлежит этой ведьме? Может быть, Тормод вспомнил Торбьёрг Черную Бровь из Долины Эрна, в чью честь он сложил хвалебную песню? Говорили, что девушка очень высока и художцава. Но Черная Бровь не жена скальда. Впрочем, вот разгадка! Не далее как сегодня утром Тормод призвал войско на встречу с худой женой. Как говорится в Древних Речах Бьярки:

Вас зову не на пир,
Не подругу ласкать,
Я вас побуждаю на битву.

В Древних Речах слово «битва» заменено на имя «Хильд». Так сказано: «Я вас побуждаю баловать Хильд», и всякий понимает, что Бьярки зовет друзей на битву. Хильд – одна из валькирий, которых одноглазый Один посылает на каждую битву. Они мчатся по воздуху на крылатых конях, а от блеска их доспехов на небе возникает сияние, видимое только в Северных Странах. Валькириям дано право решать, кто выживет, а кто падет на поле сражения. Потом они подбирают павших и уносят их в Вальхаллу. Имя «Хильд» означает Свирепствующая, она великанша ростом и костлява. Свирепствующая находит упоение в битвах, которые часто называют «хохотом Хильд» или «вьюгой Хильд». Валькирия – та самая худая жена, которой по праву принадлежит обогранный кровью муж. Хильд унесет скальда в Чертог Мертвых, куда он так стремился попасть.

Харальд шептал: «Бури дня». Наверняка это сегодняшняя битва. А что скальд имел в виду под словом «дюже»? Наверное, он хотел сказать, что его рана ноет дюже. А лучше так – «метки бури дня саднят мне дюже». Он чувствовал, что получилось не очень складно, зато он закончил вису, сложенную прославленным скальдом.

Глава 6

«Бросил тело братнее...»

Раненый Харальд с большим трудом добрался до сарая, стоявшего на вершине холма. Дверь сарая была выломана, и он вошел внутрь. На полу лежал толстый слой валежника. Харальд опустился на валежник, надеясь отдохнуть и набраться сил. Но едва он прилег, за полуразрушенной стеной сарая раздались голоса. Он поспешно зарылся в валежник, чтобы его не заметили. Голоса приблизились, было слышно каждое слово. Из отрывочных восклицаний Харальд понял, что к сараю подошли дружинники лендрманнов, участвовавших в битве на стороне язычников. Дружинники спорили о том, куда исчезло тело Олава конунга.

– Нет нигде, – произнес грубый голос. – Торир Собака как с цепи сорвался. Рычит, что всего несколько часов гонялся за Дагом, а когда вернулся, тела конунга не было на месте.

– Надо спросить у бондов. Наверняка они утащили мертвое тело, чтобы предать поруганию. У них здорово накипело против Олава конунга.

– Бондов не найти. Прямо удивительно! Было такое огромное войско, а к вечеру все разошлись. Они спешат по домам к своим коровам и козам.

– Посмотри в сарае, – приказал старший из дружинников.

Харальд затаил дыхание. Он услышал, как дружинник зашел внутрь. Наверное, вглядывался в полутьму. Хруст веток, сопровождавших его шаги, громко отдавался в ушах юноши. Никого не обнаружив, дружинник вышел.

– Там пусто!

Дружинники удалились. Когда вдали замолкли их голоса, Харальд перевел дух. Его мучил стыд. Быть может, следовало отбросить валежник, подняться во весь рост и принять бой с людьми Торира Собаки? Но с одной рукой он вряд ли бы причинил им большой вред, а вот его самого наверняка бы убили. Разумнее спрятаться, тем более никто не узнает о проявленном малодушии. Никто, кроме него самого, а от самого себя ничего не скроешь. А что бы посоветовала мать? Аста наверняка взглянула бы на трусливого сына холодными синими глазами и отвернулась бы с презрением. С каким негодованием она рассказывала сыновьям о том, как ярл Хакон по прозвищу Злой Ярл прятался от врагов в свином хлеве. В хлеву вырыли глубокую яму, закрыли ее бревнами, сверху насыпали земли и навоза и запустили в хлев свиней. Ярл несколько дней сидел в яме, согнувшись в три погибели, под хрюканье свиней, пытаясь сохранить свою жалкую жизнь, вместо того чтобы выйти к своим преследователям с оружием в руках и принять достойную смерть.

Харальд возблагодарил Бога, что его убежищем стал сарай, а не свиной хлев. Валежник лучше вонючего навоза. Сухо и хорошо пахнет. Впрочем, с края связки валежника намокли. Харальд пытался определить, откуда натекла лужа, но слабость одолела его. Он с трудом отодвинулся подальше, нащупал сухое местечко и забылся тяжелым сном.

Утром он пробудился от холода. Нестерпимо ныло предплечье. Рукав рубахи намок в чем-то густом и липком. Действуя левой рукой, он отбросил несколько вязанок валежника и замер в изумлении. На ложе из ветвей лежал конунг Олав Толстый. Его бледное лицо дышало спокойствием, глаза были широко открыты и пристально смотрели на брата. Связка валежника, отброшенная к стене, шумно сползла вниз. Харальду почудилось, что конунг шевельнулся. Юноша отпрянул от тела и выбежал из сарая.

Из утреннего тумана, окутавшего холм, на него в испуге смотрели два бонда, пожилой и молодой. Харальд предстал пред ними как мертвец, восставший из могилы. Бонды приготовились бежать без оглядки, но тут пожилой узнал юношу. Щурясь, чтобы лучше разглядеть его лицо, он робко спросил:

– Не младшего ли брата Олава конунга видят мои глаза?

– Я Харальд, сын Сигурда. Там... под валежником... или мне почудилось спросонья?

Сейчас Харальд не знал, что и подумать. На самом ли деле он видел брата? В белесом тумане все казалось зыбким, как в сновидении. Пожилой бонд поспешил развеять его сомнения:

– Тебе не почудилось. Мы спрятали тело конунга в сарае. Перед битвой Олав конунг просил нас позаботиться о мертвых, а если будет суждено погибнуть ему самому, то велел спрятать его тело, чтобы потом предать христианскому погребению. Мы местные бонды. Я – Торгильс, сын Хальма, владелец здешних земель, а это мой сын Грим Добрый.

Харальд разглядел глупую ухмылку на лице бонда помоложе. Видимо, прозвище дали дурачку в насмешку. Подтверждая его догадку, Грим простодушно добавил:

– Олав конунг щедро отсыпал нам серебра...

Торгильс поспешно прервал откровенную речь сына:

– Мы рады оказать последнюю услугу конунгу. Он был милостив к нам и велел не топтать наши посевы. Хорошо, что мы догадались спрятать его тело в старом сарае за оградой усадьбы. Вчера вечером люди Торира Собаки обыскали наш двор. Перевернули все вверх дном и допытывались, не знаем ли мы, куда подевалось тело Олава. Мы, конечно, отвечали, что ничего не знаем. Всю ночь мы с Гримом строга́ли гроб, а рано утром пришли забрать тело. Раньше, в век сожжений, умерших конунгов сжигали на кострах со всем их добром. Так установил бог Один, ибо каждый является в Вальхаллу только с тем богатством, которое сгорело на костре. Сейчас знатных принято хоронить в лодках или кораблях, над которыми насыпают высокие курганы. Олав Толстый верил в Белого Христа и просил похоронить его по обычаю новой веры. Мы не знаем, как это делается, однако в Нидоросе живет епископ Сигурд. Мы отвезем гроб на моем корабле, и епископ поступит с телом по-христиански. Пойдем с нами. Мы окажем двойную услугу конунгу, если позаботимся о его брате.

Харальд призадумался. В отличие от своего простоватого сына, Торгильс выглядел хитрецом. Говорит льстиво, но себе на уме. Вдруг он заманит его в ловушку, а потом выдаст врагам? Впрочем, в нынешнем положении выбирать не приходится. Куда он пойдет, раненый и голодный, и как найдет приют в незнакомой местности? Взвесив все это, Харальд сказал:

– Я доверюсь вам, бонды!

Бонды пришли с носилками, на которые положили тело Олава. Мертвый конунг пристально глядел вверх, словно хотел пронзить взором туман, закрывавший небо. Они двинулись в путь. Торгильс и Грим несли тело конунга, за ними брел Харальд, держась за ноющее предплечье. Бонды безошибочно находили дорогу в белесой пелене. Впрочем, до их усадьбы было рукой подать. Когда они проскользнули за ограду и оказались в безопасности, Торгильс извлек из стога сена гроб, сколоченный из старых, растрескавшихся досок. Наверное, они с незапамятных времен хранились под крышей амбара, и только скупость хозяина уберегла их от участи быть сожженными в очаге. Теперь из этих потемневших досок сделали гроб для конунга.

«Такого ли убогого ложа достоин повелитель Норвегии!» – печально думал Харальд. Но Олаву было все равно. Конунг смотрел мертвыми глазами в небо.

– Я слышал, христиане закрывают своим покойникам глаза, – промолвил Торгильс.

Харальд положил на веки брата два серебряных дирхема с затейливой надписью арабской вязью, значения которой не понимал, и произнес одну из немногих известных ему молитв: «Pater noster, qui es in caelis...» Когда он закончил молитву, глупо улыбающийся Грим накрыл гроб крышкой из толстой доски.

– Брат конунга поплывет вместе с нами в Нидорос? – осведомился Торгильс.

Харальд колебался. Он знал, что епископ Сигурд был даном и слыл ненавистником конунга. В христианском погребении он не откажет, но вполне может отправить младшего брата в могилу вслед за старшим. Так говорит о Харальде скальд Тьодольв:

Лучший был помощник
В ратоборстве брату.
Лишь печась о веже шлема,
Бросил тело братнее.

«Вежей шлема» называют голову, ибо воину голова нужна, чтобы носить шлем. Размышляя о том, что в Трондхейме его выдадут с головой, Харальд вспомнил, что Рёнгвальд, сын ярла, собирался пробраться в Швецию. Тогда он сказал, что ему нужно в землю свеев.

– Конечно, господин! В Норвегии брату конунга не будет покоя. Но тебе не добраться одному. На всех дорогах засады. Надо ехать потайными лесными тропами. Я могу дать тебе доброго коня и надежного проводника. Надеюсь, юный господин щедро заплатит за услугу?

Харальд с подозрением глядел на плутоватую физиономию бонда. Если отдать ему сейчас золотое ожерелье, не бросит ли его проводник в непроходимой чаще? Он решил слукавить:

– Я все потерял после битвы. Монеты, которые я положил на глаза брата, – последние. Но в Швеции у нашей семьи много верных друзей. Они щедро наградят и тебя, и проводника.

– Согласен! Только я бы посоветовал снять знак, который выдает в тебе христианина, – Торгильс показал на серебряный крестик, висевший на шее юноши.

Харальд колебался. Снять крест означало лишиться покровительства Христа. Разумно ли это? С другой стороны, крест не защитил брата. Так ли силен христианский бог, как уверял Олав? Или все-таки положиться на заступничество Иисуса? Заметив его сомнения, Торгильс продолжил уговоры:

– Поверь, если кто-нибудь увидит крест, твоя голова недолго останется на шее. Но ты можешь всех обмануть.

Торгильс вынул из-за пазухи маленький молот Тора, прикрепленный к красному витому шнуру. Молот Тора имеет собственное имя – Мьёлльнир, что означает «молния». Неразумные язычники полагают, что это оружие выковано цвергами – братьями-карликами. Раскаленный Мьёлльнир нельзя удержать без железных рукавиц. Этим молотом Тор сокрушил владычество злых великанов. До сих пор вместо благопристойных христианских имен многие мужчины и женщины предпочитают называть себя именами, произведенными от имени Тора: Тормод, Торир, Торгильс, Торстейн и им подобные. Амулеты с молотом Тора в те времена носили почти все язычники. Торгильс сказал:

– Ты думаешь, это обычный молот? Гляди!

Бонд перевернул амулет, и тот сразу же стал похож на крест. Перевернул еще раз – и крест вновь обратился в молот.

– Пусть твой Христос смотрит снизу и видит крест, а Тор пусть смотрит сверху и видит свой молот. Оба останутся довольны.

Лукавые амулеты изготавливались для «неполных» христиан, принявших крещение, но продолжавших исполнять языческие обряды. Конунг Олав Толстый не привечал двурушников, но даже среди жителей побережья, которые вели обширную торговлю с христианами из других стран, было немало полуязычников, не говоря уж об обитателях горных долин. Харальд снял крестик и повесил вместо него полуязыческий амулет. Торгильс, довольный удачным обменом, спрятал подальше серебряный крестик.

На этом страдания Харальда не закончились. Торгильс убедил его облачиться в простонародную одежду. Он помог юноше освободиться от кольчуги и шелковой рубахи и тут же спрятал их. Харальду была выдана старая залатанная одежда, которую бонд, наверное, припас для своих рабов. Юношу переодели под бормотание Торгильса, что одежда пришлась в самую пору. В завершение Торгильс сказал, что Харальду придется оставить закаленную секиру, принадлежавшую Тормоду Скальду Черных Бровей. Как ни горько было расставаться с благород-

ным оружием, Харальд не мог не признать, что человек в одежде бонда с такой секирой в руках сразу вызвал бы подозрение. Он отдал секиру скальда, и бонд тут же спрятал ее в свой бездонный тайник. Взамен Торгильс принес топор. Путник без топора выглядел бы непривычно. Топор был обыкновенным, какими рубили дрова и строгаали бревна. Однако при необходимости он обращался в оружие.

Торгильс ушел за проводником, оставив Харальда наедине со своим сыном. Они сидели друг напротив друга на скамьях для хозяина и почетных гостей, которые располагались между деревянными столбами, поддерживавшими крышу. Торгильс принадлежал к сословию «могучих бондов», то есть зажиточных землевладельцев, но его жилище было выстроено без затей, как строили предки. Длинный дом, сложенный из толстых сосновых бревен, имел одно помещение – лишь в торце было выгорожено спальное место для хозяина и его жены. Остальные домочадцы спали на земляном полу по обе стороны от углубления, в котором был устроен очаг на каменном ложе. Дым от огня поднимался к закопченным балкам потолка и выходил через отверстие в крыше. Раньше люди жили под одной крышей с домашним скотом, но сейчас наступили другие времена, и у зажиточных хозяев скотина содержалась в отдельном хлеву.

Улыбающийся Грим в круглой шапочке с длинными завязками, которые носили все бонды, расспрашивал Харальда о жизни конунгов. Владыки Норвегии представлялись простодушному бонду кем-то вроде богов Одина и Тора. Если бы Харальд сказал, что конунги ездят на восьминогом коне, похожем на Слейпнира – волшебного коня Одина, или владеют кораблем, который после плавания по желанию хозяина уменьшается до размеров платка и прячется в карман, Грим наверняка поверил бы и только затряс бы в изумлении завязками своей шапочки.

Наконец вернулся Торгильс вместе с проводником. Им оказался племянник бонда, молодой парень, сверстник Харальда. Его звали Кетиль Тюленьи Яйца. Он назвал себя и с гордостью добавил:

– У меня приметное имя. Не каждый день встретишь такое.

Кетиль Тюленьи Яйца был крепким парнем, полным сил и задора. Торгильс уверял, что, несмотря на юные годы, его племянник отлично знает дорогу в горах. У Харальда не было иного выхода, кроме как принять его слова на веру. Торгильс наказал отвечать, если их остановят, что они едут в горы наняться лесорубами. Он шепнул Харальду, что не сказал племяннику, у кого он будет проводником. Кетиль, конечно, догадается, что его спутник из знатной семьи, но ему и в голову не придет, что Харальд – брат конунга. Племянник надежный парень, но лучше не соблазнять его дурными мыслями о предательстве.

В полдень Харальд распрощался с бондом. Торгильс наложил на повозку большой стог сена, под которым спрятал гроб с телом конунга, и готовился отвезти его на свой корабль, чтобы плыть по фьорду в Нидарос. Харальд и его проводник отправлялись на восток. Они сели на лошадей, о которых хитрый бонд сказал, что таких могучих коней не сыскать во всем Трондхейме, и поехали прочь из его усадьбы. Чтобы никому не попасть на глаза, Кетиль выбрал длинный окружной путь. Когда они обогнули Стикластадир, Харальд бросил с седла прощальный взгляд на место сражения. Мысленно простившись с воинами, павшими в битве, он хлестнул свою лошадь и пустился догонять проводника.

Глава 7

«Вот плетусь из леса...»

Харальд покинул Стикластадир в сопровождении молодого бонда, который не знал его имени. Тропа, по которой они ехали на лошадях, вела в горы. Заболоченный луг сменился березовой рощей, потом тропу потеснили сосны, вросшие в крутые склоны. Сосны быстро редели, уступив место кустарнику. Чем выше, тем реже становился кустарник. Вершина хребта была голой, только мох и голые камни. Они проехали мимо озера, чьи синие воды отражали горные вершины, покрытые белыми пятнами не тающего летом снега. На плоской вершине завывал ветер, холод пронизывал путников до костей.

Лошадей, которых дал им бонд Торгильс, звали Тащи Плуг и Вози Сено. Они были настоящими клячами, старыми и костлявыми. Давно прошло время, когда их можно было использовать для пахоты и других работ. Вози Сено, впрочем, была порезвее, и молодой проводник уверенно направлял свою клячу между скал, не заботясь о том, поспекает ли за ним его товарищ по путешествию. Тащи Плуг тащила медленнее самого ленивого вола. Харальд старался не отставать, но ему было тяжело в седле, так как каждый толчок отдавался в сломанном предплечье и ушибленном боку. Когда они перевалили за хребет и спустились вниз по склону к той черте, у которой начинался сосновый лес, Харальд потерял последние силы. Он сполз с седла, сел на мягкий мох и безучастно наблюдал, как Кетиль Тюленьи Яйца высекает искры из кресала и раздувает огонь. Скупой Торгильс дал им совсем мало еды. Харальд жадно съел свою долю и заснул у костра.

Ночью его мучили кошмары. Ему почудилось, что Кетиль осторожно поднялся со своего места, бесшумно подкрался к нему и начал душить. Харальд с трудом вырвался из его объятий и вдруг понял, что это не молодой бонд, а старуха-лекарка, набросившая петлю ему на шею. Задыхаясь, он позвал на помощь. Кетиль вскочил на ноги и осведомился:

– Что с тобой? Почему кричишь?

Харальд очнулся от страшного сна и обвел глазами место ночлега. Вверху шумели кроны деревьев, костер едва тлел. Вдали в кустах фыркала Тащи Плуг. На камнях выступил иней, но тело Харальда горело жаром, и он не чувствовал ночного холода.

– Мне приснилось, что меня душит... старуха.

– К тебе приходила мара, – уверенно определил Кетиль. – Хорошо, что я вовремя проснулся.

Марами называли ведьм, которые душили людей во сне. Харальд слышал, что один из его предков Инглингов расстался с жизнью из-за мара. Его стал одолевать сон, и он заснул, но тут же проснулся и позвал к себе слуг, сказав, что его топчет мара. Слуги бросились на помощь, но, когда они взяли его за голову, мара стала топтать ему ноги, так что чуть не поломала их. Тогда они взяли его за ноги, но тут она так сжала ему голову, что он сразу умер.

Молодые люди бодрствовали, опасаясь, что мара незаметно подкрадется к ним. Кетиль подбросил дров в костер, они сели спиной друг к другу, тревожно вглядывались во тьму. Харальд знал, что ему следовало проявлять особую осторожность, потому что он был потомком Инглингов. В «Саге об Инглингах» рассказывалось, что однажды сыновья конунга Гисль и Эндур, двенадцати и тринадцати лет, обратились к колдунье Хульд и попросили ее сделать так, чтобы они смогли убить своего отца. Колдунья обещала исполнить их просьбу, но с условием, что отныне убийства родичей будут постоянно совершаться в роду Инглингов. С той поры Инглинги враждуют друг с другом, а ведьмы подстрекают их. Харальд незаметно ощущал каменистую почву. Известно, что иные колдуны умеют нырять в землю, словно в воду,

подкрадываются снизу, внезапно хватают добычу и увлекают ее вниз, как хищная рыба увлекает в глубины фьорда неосторожную птицу, присевшую на волны.

Молодой бонд рассказал о том, как двое его родичей спаслись от троллихи. Их наняли проводниками богатые торговцы. Перед переходом через горы купцов предупредили, чтобы они вели себя тихо и не разбрасывали кости после трапезы. Но купцы только потешались над страхами проводников. Когда они заночевали в пустой лесной хижине, купцы шумели, орали песни и беззаботно бросали кости в костер. Ночью на запах мяса пришла свирепая троллиха, ростом выше хижины. Одного за другим она разорвала на части и пожрала всех купцов. Двое родственников бонда успели спрятаться на чердаке. Выждав, когда троллиха повернулась к ним спиной, они всадили в нее копьё. Троллиха страшно взвыла и бросилась вон из хижины с копьём между лопаток.

– Неизвестно, издохла ли она с копьём или выжила. Мои родичи вернулись из леса с товарами, которые принадлежали погибшим купцам, и рассказали про троллиху. Товары они забрали себе и обогатились, – закончил молодой бонд.

В свою очередь, Харальд рассказал, как конунг Свейгдир из рода Инглингов дал обет найти Жилище Богов и старого Одина. Он ездил с двенадцатью слугами по всему свету. Однажды в Холодной Швеции он встретил родственников, которые устроили для него пир. Вечером после захода солнца, когда Свейгдир шел с пира в спальню, он увидел, что у большого камня сидит карлик, скальный человек. Свейгдир и его люди были очень пьяны. Они подбежали к камню. Скальный человек позвал Свейгдира, предлагая тому войти, если он хочет встретиться с Одином. Но как только Свейгдир вошел в камень, тот сразу закрылся, и больше никто не видел конунга. А камень стоит до сих пор, и усадьба за ним называется У Камня.

Пугая друг друга страшными рассказами, юноши коротали ночь. Утром они продолжили путь. Через несколько дней, перебравшись через горные хребты, они оказались в Ямталанге. Этот край был заселен трёндами – выходцами из Трондхейма, покинувшими родные места во времена конунга Эйстейна Злобного. Он притеснял трёндов и, глумясь над ними, дал им в правители своего пса. Трёнды решили, что пес лучше, чем человек, ибо при нем они смогут сохранить свои свободы. Волшебством они вложили в пса ум трех людей: два слова он лаял, как пес, а третье произносил, как человек. Но Эйстейн Злобный не прекращал притеснений, и многим трёндам пришлось бежать от его неистовств за горы. Когда они расчистили и обустроили дикий край, норвежские и шведские конунги стали спорить за Ямталанг. Никто из его жителей не мог в точности сказать, чей он подданный. Во всяком случае, подати с них требовали и норвежцы, и свеи.

В этом спорном краю беглецам надо было соблюдать осторожность и избегать наезженных дорог. Они ехали заросшими лесными тропами. Когда на их пути встречались расчищенные под пашни и луга пространства, они быстро пересекали их и сразу же ныряли в лесную чащу.

Сидя в седле, Харальд сочинил вису. Он окликнул товарища по путешествию и начал читать ему стихи:

Вот плетусь из леса,
В лес – немного чести, —
Как знать, не найдет ли
И нас в свой час слава...

Однако молодой бонд дослушал только до половины и, пренебрежительно махнув рукой, продолжил путь. Он не был охотником до меда поэзии, зато часами рассуждал о походах викингов. Он собирался отправиться за море через год-другой. Вечерами, расседлав лошадей и разведя костер, молодой бонд рассудительно говорил:

– У меня есть старший брат, он унаследует отцовскую усадьбу. Младшим сыновьям, по обычаю, достанется малая часть имущества. Мне надо будет идти в викинги, чтобы заработать на собственную усадьбу.

Харальд вступал с ним в горячий спор, доказывая, что викинги прежде всего должны думать о воинской славе, которая будет воспета скальдами. Но молодой бонд гнул свое:

– Из твоих вис не сложишь дома и землю на них не купишь. Главное – это добыча, ради нее сражаются все викинги. Мой отец ходил в викинги вместе с Торкелем Высоким, которому англй заплатили огромный гельд. Доля отца была больше, чем у остальных викингов, потому что он убил много англов и даже зарубил топором их главного кудесника, не пожелавшего выкупить свою жизнь. На эти деньги мой отец построил добрую усадьбу и завел коров. Я тоже вступлю в дружину какого-нибудь морского конунга. Рассказывают, что далеко на севере есть волшебная Страна Бьямов. Золото и серебро там лежат под ногами, как грязь. Я наберу столько, сколько могу унести, а я парень крепкий. Потом я вернусь из викинга и заведу большое хозяйство.

– Неужели все твои мечты о коровах и овцах? Вернешься из похода, будешь заниматься скотом и пашней и забудешь о воинской доблести? – с презрением спрашивал Харальд.

– В дальний викинг уже не смогу ходить, а в ближний буду. Мой дед так вел хозяйство. Весной он пахал землю и сеял хлеб, потом уплывал на своем корабле в викинг, нападал на прибрежные селения в Норвегии. Летом он возвращался домой и занимался жатвой хлеба, а после жатвы уходил в осенний поход. Жаль только, что конунг Олав Толстый запретил ходить по Норвегии. Не перечеть, скольким викингам зарубили затылки за непослушание конунгу. Но теперь конунг убит, и все пойдет по-старому.

– Как ты смеешь порицать законы, установленные... – Харальд чуть было не сказал «моим братом», но вовремя прикусил язык.

Молодой бонд раздражал его тем, что обращался с ним почти на равных. Правда, он не знал, что перед ним потомок Инглингов, но все же деревенский парень мог бы вести себя поскромнее. Харальда так и подмывало поставить бонда на подобающее ему место, но он сдерживал себя, понимая, что ему не обойтись без проводника. К тому же бонд умел добывать еду для двоих. Скучные припасы, выданные Торгильсом, быстро кончились, но Кетиль ловко ловил пятнистую форель в горных ручьях и жирных лососей у водопадов, шумно низвергавшихся с горных склонов. Харальд с удовольствием присоединился бы к рыбной ловле, но его правая рука не действовала, а левой он не хотел удить, чтобы не слышать насмешек сверстника. Оставалось стоять у водопада и с завистью наблюдать, как молодой бонд забрасывает леску, сплетенную из белого конского волоса, и выдергивает лососей из пены. По обычаю всех рыбаков, он откупался от рыбы. Вытащив первого лосося, он говорил, что добыл его для себя. Вытащив вторую рыбку – оправдывался, что это за крючок. Третья рыбка была за леску из конского волоса, четвертая – за брод через ручей и так далее.

Пока молодой бонд готовил улов на костре, Харальд рассказал ему историю о Локи, которую слышал от Тормода Скальда Черных Бровей. Скальд говорил, что среди языческих богов, или, лучше сказать, вождей асов, был Локи. Его называли позорищем асов, бессовестным плутом, хвастуном и обманщиком. Однажды этот плут напросился в спутники к одноглазому Одину, отправившемуся осмотреть весь мир. Они пришли к водопаду, возле которого сидела выдра. Она как раз поймала лосося и ела, зажмурившись. Тогда Локи схватил камень, бросил в выдру и попал ей в голову. И стал похваляться Локи, что одним ударом добыл выдру и лосося. Подошли они к одному двору. Хозяина звали Хрейдмаром, он был могущественным человеком, изрядно сведущим в колдовстве. Асы попросились ночевать и сказали, что у них вдоволь еды, и показали хозяину свою добычу. Но, увидев выдру, хозяин позвал своих сыновей, Фафнира и Регина. Они напали на Одина и Локи и связали их. И сказали они, что та выдра

была их братом. Тогда асы предложили выкуп, какой назначит сам колдун. Тот потребовал, чтобы всю выдру от кончика хвоста до усов засыпали золотом, а иначе не соглашался мириться.

– Он не терялся, это Хрейдмар, раз ему выпал случай слупить золотишко с чужаков, – одобрительно заметил Кетиль, поворачивая над огнем лососей, нанизанных на прутья.

– У них не было при себе золота, поэтому Один остался в заложниках, а Локи отправился за выкупом в страну черных альвов к карлику по имени Андвари.

Не так-то просто было найти карлика, потому что он жил в воде в виде рыбы. Поймал его Локи и наложил выкуп, потребовав все золото, что тот хранил в скале. И когда они вошли в скалу, карлик вынес все золото, что у него было, и это было огромное богатство. Тут Локи заметил, что карлик смахнул себе под руку маленькое золотое колечко. Локи велел отдать кольцо. Карлик молил не отнимать у него кольца, говоря, что это кольцо, если он сохранит его, снова умножит его богатство. Но Локи был неумолим и отнял спрятанное. И тогда карлик сказал, что кольцо будет стоить жизни всякому, кто им завладеет. Локи отвечал, что это ему по душе.

Когда Локи принес добычу, Одину понравилось это красивое кольцо, и он отложил его в сторону, а остальным золотом засыпал выдру. Потом он позвал Хрейдмара, чтобы тот взглянул, вся ли шкура покрыта. Тот взгляделся хорошенько и заметил один волосок от усов и велел прикрыть его. Пришлось Одину отдать спрятанное кольцо, чтобы прикрыть последний волосок. Он сказал, что выкуп уплачен сполна, но это кольцо погубит тех, кто будет им владеть. Так и случилось. Сыновья Хрейдмара, соблазнившись золотом, убили отца и завладели выкупом за выдру. Потом они из алчности убили друг друга.

– С той поры это кольцо переходит из одних рук в другие, повсюду сея зло и беду. На какое-то время кольцо попало к конунгу Фроди, который отличался благородством и бескорыстием. Пока Фроди оберегал кольцо, во всем свете царило благополучие и не было слышно о распрях и войнах.

– Мирное время подошло к концу. Видать, Фроди умер или у него похитили его сокровище, – предположил молодой бонд.

– Судя по всему, сейчас кольцо в чужих руках. Ну, хватит жарить лосося, бонд. Я умираю от голода, – сказал Харальд.

На следующий день они проснулись, оседлали лошадей и снова отправились в путь. Так продолжалось много дней. Но вот однажды они перешли вброд бурный ручей, и Кетиль, чья кляча первой вступила на противоположный берег, коротко сказал:

– Здесь Хельсингъял!

Харальд осмотрелся. Между двумя берегами ручья не было никакой разницы. И там и там темные ели стояли глухой стеной друг напротив друга. Но молодой бонд уверял, что они добрались до шведских владений. Хельсингъял тянулся до самого моря. Как и вся Швеция, это был лесной край, сплошь покрытый непроходимыми дебрями. Однако шведские конунги проложили удобные дороги через лесные чащи и болота. Не случайно одному из древних шведских правителей дали прозвище Олав Лесоруб, а другого прозвали Энунд Дорога.

В шведских владениях можно было не таиться, и они решили поискать большую проезжую дорогу. Через некоторое время они выехали к деревянному мосту, переброшенному через глубокое ущелье. Перед мостом лежал огромный камень с высеченными на нем рунами. Подобные камни ставились перед бродами, мостами или гатями на болотах, когда кто-либо на собственные средства улучшал дорогу. Руническая надпись на камне вилась змейкой, каждое слово было окрашено в другой цвет. Шевеля губами, Харальд медленно прочитал: «Эйстейн и Бьёрн, братья, воздвигли сей мост в память о своем отце Ёфуре. Покуда мир существует, будет стоять сей мост, широкий и прочный».

– Ты умеешь разгадывать волшебные руны? – удивился Кетиль, впервые за все путешествие с уважением посмотрев на своего спутника.

Руны произошли от божественных сил. Чтобы открыть их, Один прошел через многие страдания. Пронзенный копьем, он висел в ветвях дерева девять дней, как жертва богам, а пав на землю, схватил табличку с рунами. Магические знаки могли исцелять людей. Но это было сложное искусство, ибо неправильно начертанные руны таили опасность. Молодой бонд был наслышан об этом.

– Один человек из нашей долины уверял, что умеет резать руны. Он вырезал какие-то знаки на кости и положил в постель больной женщины. Но ей с каждым днем становилось хуже. Тогда кость со знаками убрали, и больная тотчас пошла на поправку, – рассказывал проводник.

Харальд промолчал. Он хорошо знал шестнадцать Младших рун и легко разбирал надписи на дорожных камнях, которые часто начинались словами: «Пусть это прочтает, кто сможет». Однако волшебную силу имели двадцать четыре Старшие руны, а Харальд знал только их начертания, но не постиг истинный смысл заклинаний. Перед сражением он вырезал на рукояти отцовского меча две руны «Тюр», обозначающие древнего бога войны. Он думал, что руны сделают клинок непобедимым. Видимо, вырезал неправильно, ибо сейчас ему приходится спасаться бегством.

Проехав по деревянному мосту, юноши увидели хижину. Над ее покрытой землей крышей вился дымок, а на склоне щипали траву стреноженные кони. И хотя они уже находились в шведских владениях, стоило сохранять осторожность и сначала разузнать, что за люди остановились в хижине за мостом. Они спешили, Кетиль вызвался сходить на разведку, а Харальд взял под уздцы Тащи Плуг и Вози Сено и спрятался с ними за раскидистым деревом. Харальд предупредил молодого бонда, чтобы он проявил осторожность при входе в дом, ибо сказано в старинных речениях Высокого:

Прежде чем в дом войдешь,
Все входы ты огляди,
Ибо как знать,
В этом жилище
Недругов нет ли.

– Да знаю я! – отмахнулся бонд.

Он отсутствовал довольно долго, а когда вернулся, с унынием сказал:

– Поедем дальше. Нам там места нет. В хижине полно знатных людей. Рёнгвальд, сын ярла Бруси, и другие.

– Рёнгвальд! – радостно вскричал Харальд и со всех ног бросился к хижине.

Не думая о наставлениях, которые только что давал молодому бонду, он широко распахнул дверь и кинулся обнимать одной рукой ошеломленного дружинника. Рёнгвальд не верил своим глазам:

– Харальд! Ты жив? Как ты нашел дорогу?

– Он был моим проводником, – Харальд показал на Кетиля, боязливо приближавшегося к хижине.

– Его следует щедро наградить за помощь.

Харальд снял с шеи золотое ожерелье и протянул его проводнику, пораженному известием, что он столько дней провел в обществе брата конунга.

– Дарю тебе ожерелье весом в две марки золотом. Оно принадлежало моему брату Олаву конунгу. Носи его, бонд, и помни, что тебе посчастливилось оказать услугу Харальду, сыну Сигурда, из рода Инглингов.

Вознаградив ошеломленного проводника, Харальд принялся расспрашивать Рёнгвальда о том, что за время его путешествия произошло в Норвегии. В первую очередь он спросил, похоронили ли брата по христианскому обычаю.

Рёнгвальд тяжело вздохнул:

– Дурные вести дошли из Нидароса! Когда бонд Торгильс привез на своем корабле гроб с телом конунга, епископ Сигурд сказал, что Олав Толстый недостоин христианского погребения, ибо с молодости был викингом и разбойником и вернулся в Норвегию, чтобы грабить и убивать мирных людей. Епископ приказал своим слугам взять гроб, вывезти его на лодке на середину фьорда и утопить.

Харальд задохнулся от гнева. Он поднял глаза к небу, встал ногой на высокий камень, как было положено делать в таких случаях, и дал клятву отомстить за брата.

Глава 8

Пламя Одина

Ко дню весеннего равноденствия люди со всех концов Швеции съезжались в Упсалу на великий праздник Дисаблот. Даже сейчас далеко не все свеи познали истинную веру, а в ту пору почти все они были язычниками и поклонялись идолам. Девять дней в языческом капище, средоточии скверны и греха, приносили благодарственные жертвы Тору, Одину и Фрейру и молили лжебогов о даровании победы конунгу Упсалы. К этому празднику был приурочен Всесвейский тинг – народное собрание, на котором обсуждались важнейшие дела. И наконец, как раз в эти девять дней устраивалась ярмарка Дисатинг, на которую привозили товары из дальних стран. Неудивительно, что узкие улочки Упсалы наполняла шумная толпа покупателей, торговцев и зевак. Все были облачены в яркие праздничные одежды, бросая вызов серым тучам, низвергавшим попеременно мокрый снег и дождь.

Брат конунга Харальд и сын ярла Рёнгвальд жили в Упсале. Харальд оправился от раны, предплечье освободили от повязок, и только легкая боль в сырую погоду напоминала о переломанных костях. Он возмужал и раздался в плечах и выглядел почти таким же сильным и взрослым воином, как его спутник Рёнгвальд. Их лица были хмурыми под стать темно-серому небу. Харальд ежился от холода. Здесь, вдали от моря, зима была более суровой, чем в родной Норвегии. Недаром эту страну называли Великой Холодной Швецией. Он угрюмо слушал товарища, который объяснял, что никто из свеев не желает участвовать в походе на Норвегию:

– Прости за прямоту, Харальд. Знатные люди, к которым я обращался, твердят, что если уж такой прославленный воин, как Олав Толстый, потерпел неудачу, то...

– То его младший брат будет разбит в первой же стычке?

– Я не хотел обижать тебя, Харальд. Они просто боятся Кнута Могучего.

Харальд только махнул рукой. Разве можно обижаться на правду? Имя конунга Дании и Англии Кнута Могучего гремит во всех Северных Странах. Кнута многие называют Старым, а ведь он занял датский престол в юном возрасте, а случилось это всего пятнадцать лет назад. Вскоре молодой конунг вторгся в Англию. Король англов Эдмунд Железнобокий трижды побеждал датчан и разгромил бы их в последней решающей битве, если бы не измена графа Эдрика, подкупленного датчанами. Эдмунд Железнобокий был вынужден вступить в переговоры. Он встретился с молодым Кнудом на острове посреди реки Северн. Они поклялись друг другу в верности, обещали жить в вечном мире и обменялись заложниками. Англию разделили на две части. Северная часть страны досталась Кнуду, на юге должен был править Эдмунд. Не прошло и месяца после клятв и уверений в дружбе, как Эдмунд Железнобокий внезапно скончался. Все шептались, что к его таинственной и скоропостижной смерти были причастны датчане, но доказательств не было, и Кнут Могучий стал безраздельным повелителем Англии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.